К началу сайта

Сергей А. Строев

Инферногенезис

К вопросу о цивилизационном кризисе

1. Обоснование темы

На рубеже тысячелетий отчетливо обозначилась идея глубокого кризиса современной цивилизации (западноевропейской по происхождению и мировой по актуальному состоянию) во всех ее аспектах: от философии и науки до политики и экономики, и даже т.н. «структур повседневности» - обыденного сознания и бытоустройства. Под вопрос поставлены базовые парадигмы т.н. Нового Времени: прогресс, сциентизм, индустриализм, монизм исторического процесса. Все философские, идеологические, политические альтернативы Нового времени (эмпиризм и рационализм, идеализм и материализм, капитализм и социализм) основывались на этих парадигмах и выступали лишь альтернативными версиями одного и того же цивилизационного проекта. Сейчас мы оказались перед лицом принципиально новой реальности, выходящей в иную плоскость по сравнению с альтернативами Нового времени. Попытки описания этой новой реальности породили такие понятия как постиндустриальное или информационное общество, сетевое общество, постмодерн, постистория.

Фактический распад и фрагментация «научной картины мира», крах прогрессистских мифологем, нарастающая иррационализация и мифологизация общественного сознания поставили вопрос о кризисе не только парадигм, но и векторов развития эпохи Нового времени, о циклическом (или по крайней мере «спиральном») возвращении к традиционному или архаическому сознанию и социальной структуре, хотя и в новых внешних формах. Возникает новая мифологема «неоархаики», которая в массовом сознании преломляется в разнообразных формах New Age, сочетающего в себе слитные и нерасчлененные элементы неоязыческой религиозности (именно религиозности, а не собственно религии), псевдоисторического мифотворчества (от «Велесовой книги» до «Новой хронологии» Фоменко), литературы и кинематографа в жанре фэнтази, различных направлений современной фольк-музыки и т.д.

Степень адекватности этой мифологемы и является основной темой настоящей работы. Можно ли считать постмодерн преодолением тенденций модерна [1] и возвращением к традиционным нормам общественного сознания и бытия, или же, напротив, постмодерн является окончательной фазой реализации заложенных еще в модерне антитрадиционных тенденций? Решение поставленной задачи целесообразно начать с анализа истоков и генезиса той цивилизации, которая в настоящий момент претерпевает системный кризис.

2. Западноевропейская \ мировая цивилизация Нового времени

Западноевропейская цивилизация Нового времени в своем роде уникальна – уже тем, что выделилась из общего ряда, создав известную оппозицию Запада и Востока, противопоставив себя не конкретной чуждой себе восточной культуре (арабо-исламской, индийской или китайско-конфуцианской, которые и сами качественно различались между собой), а всей совокупности традиционных цивилизаций. Это противопоставление на первый взгляд может показаться субъективным взглядом самого Запада, субъективным евроцентризмом. Однако следует принять во внимание, что модернистский Запад практически ассимилировал и включил в себя в качестве колониальной периферии все остальное человечество. В тех редких случаях, когда восточные страны смогли отстоять свою независимость, это было достигнуто ценой радикальной модернизации и вестернизации, то есть ценой того же самого включения в структуру западной цивилизации только путем присоединения к мировой метрополии. Такое состояние вселенского доминирования, поглощения одной цивилизацией всех остальных, сложилось впервые в известной истории человечества. Уже поэтому мы имеем основания считать западноевропейскую цивилизацию Нового Времени явлением объективно уникальным, не имеющим исторических аналогов, а «евроцентризм» – взглядом, за которым стоит большая реальность, нежели только субъективная «точка отсчета».

Каковы же фундаментальные черты этой специфической цивилизации, достигшей столь впечатляющих результатов, но ныне подвергающейся внутреннему распаду и разложению? В первую очередь, это персонализм – представление о личности как о некой нерасчленимой и, в известном смысле, абсолютной данности, «неделимом атоме». Отсюда и сугубо европейское понятие о личности как о «субъекте» в его оппозиции к «объекту», которое лежит в основе всей познавательной методологии (включая науку) и всей цивилизационной структуры Нового времени. Человек как личность, как субъект ни в коей мере не является «частью мира», «частью природы». Субъект (будь то «субъект познания» или «субъект волевого действия») не только автономен от остального космоса, но в определенном смысле качественно превосходит этот космос, ибо последний выступает в роли «объекта» (пассивно-страдательного начала) для реализации познавательного или волевого потенциала субъекта. Такое представление о личности уникально для Запада. В «восточных» культурах человек воспринимается как часть общего мирового целого, а его индивидуальность определяется индивидуальными качествами. Иными словами, Восток знает лишь «индивидуальность» (совокупность черт и признаков), Запад же знает «личность» (свободную и трансцендентную по отношению к индивидуальным характеристикам). С понятием личности как некой не анализируемой, не расчленяемой на индивидуальные качества данности тесно связано характерное представление о свободе воли, произвольности мысли и действия, не связанной никакой детерминированностью.

Второй момент, который бросается в глаза – это представление о мире как универсальной, единой для всех, «объективной» реальности, устроенной в соответствии с универсальными и неизменными «законами природы». Законы природы воспринимаются не как субъективные

картины мироотражения, а как объективная, универсальная и неизменная реальность, доступная (по крайней мере, в приближении) для рационального познания.

Третья фундаментальная установка – это представление о прогрессе или эволюции как универсальном и имманентном законе природы, реализующимся на всех уровнях и во всех сферах: космологической, биологической, антропологической, социальной, экономической, научно-технической и т.д. При этом эволюция понимается не просто как изменение, но как поступательное развитие от простого к сложному, от несовершенного к совершенному, от худшего к лучшему. Последнее особенно примечательно, ибо здесь уже речь идет не об эмпирических категориях, а об аксиологических, и даже этических. Прогресс воспринимается не просто как наблюдаемая закономерность или даже универсальный закон, но как нечто, требующее «служения».

Вот те ключевые принципы, которые лежали в основании европейской цивилизации Нового Времени и определяли ее частные проявления. Зададимся естественным вопросом об их источнике.

3. Христианский фундамент.

Все три отмеченные нами фундаментальные цивилизационные парадигмы, имеют свое происхождение в Христианстве.

Концепция Личности (неделимой, простой, не сводимой к совокупности индивидуальных свойств и качеств) уникальна для западной цивилизации именно как наследницы Христианства. Создавалась эта концепция, и даже необходимый для ее выражения категориальный языковой аппарат, в рамках христианского догматического богословия в отношении, прежде всего, к Личности Бога. На человеческую личность эти категории были лишь перенесены по принципу подобия, хотя и вполне правомерно – как на образ и подобие Бога.

Представление о мире, как об «объективной реальности» также имеет христианский фундамент и происхождение. Исходя только из разума и эмпирического опыта доказать реальность существования «внешнего» мира невозможно. В примитивной форме вопрос может быть сформулирован так: на каком основании можно считать реальность, данную в эмпирическом ощущении, отличающейся от эмпирической же реальности сна? Есть ли основания полагать, что за комплексами субъективных ощущений, воспринимаемых как явления, стоит некая внешняя, независимая от самого субъекта реальность? Или в терминах кантовской философии: если «вещи-в-себе» непознаваемы в своих собственных свойствах – то на каком основании им приписывается свойство существования?

Вопросы эти вовсе не столь праздны и софистичны, как может показаться на первый взгляд. Как это ни странно для современного сознания, но источником концепции «объективной реальности» выступает именно Христианство как вера в Единого, Абсолютного Бога-Творца. Это, кстати, признается даже основоположниками философии Нового Времени, в частности Декартом и Беркли. В культурах, не имеющих представления о Боге-Творце, нет и выраженных представлений об «объективной реальности». Есть лишь реальность воспринимаемая –

единственно возможная и существующая. Изменение восприятия, изменение состояния сознания изменяет и саму реальность, на чем и основываются многие культовые практики архаических обществ. Когда же атеистические цивилизации достигают уровня философского осмысления реальности, то отрицание бытия Бога-Творца естественным образом приводит к отрицанию реальности мира и человеческой личности. Наиболее яркий пример – это буддизм, в котором мир понимается как иллюзия (майя), а человеческая личность – как непрерывный поток недолговечных порождающих друг друга элементарных импульсов-состояний, причинно-следственная непрерывность которого создает иллюзию одушевленного существа. Примечательно, что и в самой западной цивилизации отречение от религиозного сознания сразу же поставило под сомнение реальность мироздания (субъективный идеализм) и существование личности (современная психофизиология определяет личность как уникальный набор потребностей – почти буквально по-буддистски).

Тем более очевидна христианская первооснова восприятия реальности не просто как «объективно существующей», но и познаваемой. В самом деле, идея реально существующих «законов природы», которые наука лишь открывает, а не конструирует – это прямое и непосредственное следствие веры в то, что мир сотворен разумным Существом в соответствии с определенным планом. Если предполагать независимое и самодостаточное «объективное» существование материи еще можно, то концепция объективно и независимо от познающего субъекта существующих законов природы не может не предполагать наличие творческого замысла. То есть того, что частные вещи и явления являются лишь отражениями имеющих существенно большую степень реальности идей Творца.

Соответствие человеческих познавательных способностей «законам природы» (что является обязательным условием для возможности познания) определяется христианским контекстом возникновения этой идеи: логика человека оказывается адекватна «логике» законов природы в силу того, что человек есть образ и подобие Бога – Творца природы и ее законов. Идея о рациональном познании мира складывается именно в рамках Христианства в форме догматического богословия, а затем и рационального изучения природы и общества, и базой для него служит именно парадигма разумности мироустройства и объективного существования неизменных законов природы. Важно, что рациональное познание получает здесь обоснование и санкцию свыше – из супрарациональной и сверхчеловеческой сферы божественного откровения, данного или в непосредственном мистическом опыте или через Традицию. Рациональное познание получает, таким образом, легитимное обоснование, но и четко установленные рамки корректной применимости.

Наконец, представление об эволюции или прогрессе невозможно вне концепции линейного времени. Линейность времени определяется сотворенностью мироздания и неизбежной перспективой эсхатологического финала. Отсюда и представление об уникальности и неповторимости каждого события, поступательном развитии мира к определенной цели, телеологическая осмысленность происходящих

мировых процессов. Это опять-таки сугубо христианское по своему происхождению представление о времени. Цивилизации, не знающие Бога-Творца, не имеют представления и о телеологическом характере изменений. Мировые процессы – и само время как мера изменения мира – оказываются циклическими, а в рамках циклической истории всякое представление о поступательном прогрессе теряет смысл.

Таким образом, вся специфика западной цивилизации имеет своим источником Христианство [2].

4. Модернистское искажение

Теперь рассмотрим этап возникновения модернистской цивилизации Нового Времени начиная с эпохи Возрождения и Реформации [3].

Что же существенно изменила Западная цивилизация при своем переходе в Новое Время? Принципиальный момент состоит в том, что она впервые в истории по-настоящему провозгласила человека (причем отдельного индивидуума) «мерой всех вещей». В этой связи, разумеется, вспоминается Древняя Греция, однако в ней индивидуалистический антропоцентризм провозглашался софистами-одиночками, а обществом в целом был скорее отвергнут (по крайней мере в его радикальной форме), нежели принят. Впрочем, разрыв с христианской традицией и обращение европейской цивилизации к наследию языческой античности очевиден даже из самого названия эпохи «Возрождения».

Утвердив индивидуума мерой всех вещей, цивилизация Нового времени совершенно логично пошла по пути отрицания или игнорирования всего, что превосходит человеческий уровень, прежде всего метафизических и религиозно-догматических первопринципов, не верифицируемых с позиции индивидуального человеческого рассудка и эмпирического опыта [4]. То есть тех самых принципов, которые служили общим базисом и обеспечивали цивилизационное единство всех аспектов бытия и сознания в рамках христианской цивилизации. Это отрицание, впрочем, в течение всей эпохи Нового Времени никогда не достигало своей завершенности и должно рассматриваться именно как тенденция процесса (шедшего порой с существенными откатами), а ни в коем случае не как завершенное состояние. Поэтому, рассматривая основные парадигмы западной цивилизации Нового Времени можно определить их как христианские по происхождению, но существенно искаженные в духе индивидуалистического антропоцентризма.

Концепция личности, заимствованная из Христианства, претерпела существенную трансформацию. В Христианстве человеческая личность действительно неделима и, в известном смысле, сверхприродна. Но такой статус имеет свое обоснование: во-первых, в богоподобии (Бог создает человека по Своему образу и подобию), а во-вторых (и это главное!) – в мистическом обожении человека в Таинстве Причастия. Поэтому сверхприродный статус личности не приводит к индивидуалистическому атомизму, а рассудочное знание получает свою законную санкцию через иерархическое подчинение сверхрассудочным, сверхиндивидуальным и сверхчеловеческим по своему источнику познавательным способностям [5]. Индивидуалистический антропоцентризм рассекает эту вертикальную

связь. Личность (понимаемая все еще во вполне христианском духе, как неделимая и богоподобная сущность) выдвигает претензию на автономность и самодостаточность, не нуждающуюся в санкции со стороны внешнего и высшего по отношению к себе источника. Это и есть гуманизм в чисто философском смысле – как синоним антропоцентризма, и именно здесь источник модернистской цивилизации во всех ее проявлениях.

В сфере познания индивидуализм или, что то же самое, персоналистический гуманизм приводит к отрицанию сверхрассудочных и сверхиндивидуальных форм знания как «недостоверных» и «не верифицируемых». Догматические доктрины далеко не сразу отвергаются, но, во всяком случае, отодвигаются в сторону и релятивизируются. Рассудочно-эмпирическое знание автономизируется от метафизики, и заявляет о своей независимости, ярко выраженной в концепции «двух истин». В результате целостность картины мира разрушается и возникают автономные друг от друга сферы, не связанные между собой общим базисом – светская философия, светская наука и светское искусство, «освобожденные» от какой бы то ни было внешней по отношению к себе санкции, от высшего символического значения и осмысления своих предметов и замыкающиеся на собственные самодостаточные методы и критерии. Вместо одной абсолютной Истины возникает ситуация множества относительных истин, независимых друг от друга и верных только в определенных рамках. Причем и в отношении Истины религиозно-догматической и метафизической делается попытка рассматривать ее в качестве только одной из частных, равноправных относительных истин.

Отвергнув догматику и метафизику, наука Нового Времени, тем не менее, продолжает свято верить в «законы природы», независимые от познающего субъекта и обладающие реальным («объективным») существованием как своего рода сущности, стоящие над и за эмпирическими вещами. И не просто законы, но законы неизменные (хотя вера в неизменность законов материальной природы при отрицании Творца противоестественна) и к тому же познаваемые человеческим разумом – то есть «установленные» по тем же принципам, по которым работает человеческое мышление! Очевидно, что здесь заключено противоречие. Если материя автономна и несотворенна – то на каком же основании ей приписывать рациональность устройства? И в самом деле, критерием верности теории становится исключительно эксперимент. Сама логика отрицания метафизических принципов закономерно приводит и к отрицанию имманентных законов, а равно и ценности их познания. Центр тяжести переносится с вопроса о «научной истине» на вопрос о «работающей модели».

Параллельно с этим по мере все ускоряющегося накопления эмпирических фактов происходит все большая и большая специализация наук. Ровно так же, как естествознание в целом автономизировалось от всеобщих религиозно-метафизических принципов и выдвинуло свою самодостаточную относительную истину, зависящую только от собственных критериев и методологических подходов, точно так же на

следующем этапе автономизируются частные науки, а затем – узкоспециальные разделы наук.

Это закономерное следствие провозглашенного эмпирического принципа: выяснения «истины» не от общих принципов, а путем обобщения конкретных эмпирических данных. По мере того, как количество этих данных все более и более возрастает, вписать их в общую схему в рамках даже частной науки становится все менее возможно. Смена доминирующих концепций об «объективных законах природы» идет с такой скоростью, что чем дальше, тем более очевидной становится фиктивность идеи приближения к этим «неизменным объективным сущностям». Выяснение истины (даже в понимании истины как относительной) становится все более призрачной задачей. «Метафизичность» идеи «объективных законов природы», ее прямое родство с платоновским идеализмом и средневековым «реализмом» (то есть понимание эмпирических вещей лишь как случайного проявления идей или универсалий, обладающих подлинным бытием) становятся очевидны, и сама парадигма таких законов отвергается. На смену ей приходит позитивистская парадигма, постулирующая объективную реальность только самих эмпирических явлений и процессов, а все законы и объяснения этих явлений относящая к субъективной сфере. Иными словами, наука на этом этапе в силу своей собственной логики оказывается вынужденной отказаться от претензий на приближение к объективной и универсальной истине. Научная картина мира стремительно распадается и фрагментируется. Если в эпоху Просвещения наука претендовала на раскрытие универсальных законов мироустройства и утверждение единой картины мира и, вследствие этого, выступала соперницей религии, то уже в первой половине 20 века уровень возможных научных обобщений ушел очень далеко от мировоззренческих вопросов. Фактически наука признала свою несостоятельность в вопросах общемировоззренческого порядка.

По мере специализации частных областей, все более мельчают открываемые «научные истины» вплоть до того, что их знание как таковое теряет всякую интеллектуальную ценность даже для самих открывателей. Происходит незаметный переворот: если изначально практика признавалась высшим критерием истины, то по мере развития указанных тенденций «практика» начинает пониматься исключительно как «практическая применимость», а «истина» – как полезность. По мере утраты сначала мировоззренческой, а потом и интеллектуально-познавательной ценности открываемых «научных истин», происходит распад самой идеи фундаментальной науки. Приоритет получает наука прикладная, как приносящая «реальную пользу» - измеряемую и исчисляемую и в этом плане «верифицируемую». Сфера же теорий, наконец, вовсе порывает с идеей «выяснения объективных законов природы», отвергаемых как «метафизика». Даже работающая теория воспринимается уже лишь как способ и форма упорядочивания фактов. Фундаментальная наука из иерархически высшей сферы «чистого знания» превращается в служанку науки прикладной, ее функции сводятся к разработке методов (даже не методологии) и осуществлению поисковых проектов как необходимого «субстрата» для эффективного развития научно-технических разработок.

Такова логика развития науки в Новое Время (а наука в современном ее понимании как эмпирико-рационального метода познания – это феномен исключительно присущий европейской цивилизации Нового Времени и возможный только в контексте ее парадигм): от «освобождения» от гнета метафизики до превращения в прикладное орудие т.н. научно-технического прогресса, в придаток индустриально-промышленного производства.

Рассмотрим теперь, как в условиях модернистского (= антропоцентрического = индивидуалистического) искажения формируется мифологема прогресса. Как уже было сказано, Христианство с его телеологичностью концепции мироустройства, с его идеей однократного творения мира из ничего, с его эсхатологией – оформило концепцию линейного времени.

Устранение всей «метафизики» (в том числе идеи творения мира из ничего и его конечности во времени) при сохранении линейного восприятия времени породило «светскую» телеологию, концепцию самопроизвольного, имманентно присущего мирозданию (материи) свойства к самоусложнению, к поступательному и закономерному бесконечному восхождению от низшего к высшему – концепцию эволюции или прогресса.

При этом отказ от всего «потустороннего», не доступного чувственному восприятию и рассудочному анализу и переориентация всей активности (в том числе познавательной) на сферу материальную, эмпирическую, действительно привели к ускоряющемуся, даже не линейному, а экспоненциальному, научно-техническому развитию. Это прекрасно укладывается в рамки парадигмы прогресса, и цивилизация как бы сама обосновывает свои постулаты опытным путем, создавая иллюзию объективности открытого закона. На самом же деле цивилизация просто произвольно следует принятым ею целям, установкам и «законам».

5. Экспансия

Тот же самый антропоцентрический индивидуализм отразился и в собственно религиозной сфере в форме протестантизма. Закономерным образом он и здесь привел к сокрушению канонов и вторжению индивидуального аналитического рассудка в сферу догматики. Но нам сейчас интереснее остановиться на другой стороне той же проблемы. Протестантизм, формально не отрицая догматику и христианскую мистику, а также учение о спасении и вечной жизни, отодвинул их на второй план. Лютеровская программа «спасения только верой» жестко разделила духовный и материальный мир, в точном подобии с последующим картезианским дуализмом в философии. Мирское, материальное существование (социальная, политическая, экономическая и бытовая сферы) в известной мере были автономизированы от высших религиозных догматических принципов. Значительная доля времени, энергии и интересов как отдельного человека, так и цивилизации в целом была переориентирована из сферы духовного созерцания и делания в сферу чисто материального производства и жизнеустройства.

Радикальная реформация Кальвина пошла дальше. Материальным эквивалентом благодати был провозглашен успех в мирских делах – прежде всего в экономической сфере. Накопление богатства (не как средства потребления, а как такового, как материального символа благодати, своего рода фетиша) стало самоцелью, получившей религиозную санкцию. Позже, по мере развития модернистских тенденций рудименты религиозности постепенно сходили на нет, но приобретшая квазирелигиозный характер идея прибыли только развивалась.

Накопление капитала, преумножение прибыли играло функцию именно религиозно-телеологическую – функцию придания осмысленности жизни в условиях растворения и утраты христианских координат спасения и вечной жизни. Это ключевой момент, который раскрывает суть всего дальнейшего цивилизационного развития западноевропейской капиталистической цивилизации. Накопление капитала – это антирелигиозная функция (в обоих возможных смыслах приставки «анти»: и как «против», и как «занимающий то же место»), не имеющая прямого отношения к практическому приобретению жизненных благ. Это функция придания «высшего» смысла своей жизнедеятельности, индивидуальное приобщение к эволюции и прогрессу, понимаемому как мировое накопление.

Капитализм, таким образом, представляет собой прямое следствие того центрального явления, которое породило западную цивилизацию Нового Времени – персоналистического антропоцентризма и отвержения всего надчеловеческого и не воспринимаемого индивидуальным рационально-эмпирическим познанием [6].

Стремление к накоплению предопределило распад натурального хозяйства и быстрое развитие товарно-денежных отношений, причем деньги стали выступать уже не столько средством обмена, сколь средством накопления. Производство, ориентированное на максимизацию извлекаемой прибыли (а не на удовлетворение естественных потребностей) не имеет внутренних пределов роста и развивается в полном соответствии с общей парадигмой бесконечного и всеускоряющегося прогресса. В условиях искусственного сокращения потребления (что характерно для раннего пуританского капитализма), вложения всей прибыли в поступательное расширение производства, и нарастающего научно-технического прогресса (истоки последнего описаны выше) капиталистическая система приобретает колоссальный потенциал к расширению. Более того, такая система хозяйства в принципе не может существовать стабильно, остановка расширения неминуемо приводит к кризису перепроизводства. Система заведомо производит больше, чем могут потребить ее участники: сам смысл ее существования как раз и состоит в том, чтобы производить больше, чем потреблять – на этом и основано извлечение прибыли. А прибыль извлекается не для потребления, а для накопления – как самоценность. Значит, система капиталистического хозяйства может существовать только расширяясь, только захватывая все новые и новые рынки сбыта, источники сырья и рабочей силы. Причем эти захваченные ресурсы немедленно перерабатываются, превращаясь в плацдарм и источник энергии для новых завоеваний.

Экспансия западной цивилизации становится неизбежностью. С одной стороны, это ее внутренний императив и абсолютно необходимое условие ее выживания. С другой стороны, сама ее избыточность и неравновесность придает ей колоссальный экономический и технологический перевес над любой традиционной «восточной» цивилизацией, чья внутренне устойчивая, самодостаточная и стабильная структура (не производящая значительных излишков) не может выдержать конкуренции с неравновесной, кризисной, но чрезвычайно эффективной западноевропейской экономической системой [7]. Автаркически закрыться не позволяла постоянная угроза прямой военной экспансии западных европейцев, при которой избыточность производства и превосходство военно-технического потенциала заведомо предопределяли исход борьбы. У традиционных цивилизаций оставалось ровно два выхода. Либо потеря независимости и включение в структуру западной цивилизации на правах колонии, сырьевого придатка и источника дешевой рабочей силы (Китай, Индия, Африка). Либо радикальная модернизация и вестернизация (революция Мэйдзи в Японии, реформы Петра I и Александра II в России), ломающая внутреннее цивилизационное устройство – фактически включение в структуру той же западной цивилизации, только на правах присоединения к собственно мировой метрополии. В любом случае разрушение всех традиционных цивилизаций и их поглощение западноевропейской модернистской цивилизацией было предопределено. Последняя же превращалась в цивилизацию мировую, универсальную и вселенскую.

Это закономерное развитие получило идеологическое обоснование в концепции евроцентризма и монизма исторического процесса. Универсализм и мессианство получены модернистской цивилизацией в наследство от Христианства, однако до неузнаваемости искажены в том же духе десакрализации и секуляризации. Христианская идея вселенского универсализма, понимаемая исключительно в координатах Истины и Спасения, в модернистской западной цивилизации преобразовалась в идеологию торжества Прогресса – безличного природного закона, неизбежно торжествующего, но при этом еще и морально оправдывающего всех, кто не то что ему служит, а просто действует с ним заодно. В конечном счете, эта идея трансформировалась в аналог дарвинизма, перенесенный на сферу взаимоотношения цивилизаций. Насилие сильного над слабым было признано не просто средством, допустимым и оправданным для достижения высших целей, но самодостаточной ценностью, которая сама по себе оправдывает корыстные интересы и нарушение этических правил. Идея прогресса, таким образом, стала «религией» насилия как фундаментальной ценности и как условия мирового самосовершенствования: закономерного вытеснения слабых, глупых и больных сильными, умными и здоровыми. Но, что характерно, эта идеология вполне уживалась с мессианским императивом, требовавшим (если не бескорыстно, то, по крайней мере, независимо или параллельно с корыстными интересами) распространения своих цивилизационных принципов как таковых, победы «цивилизованности» над «варварством», с искренним убеждением, что «дикари» должны быть благодарны за такое насильственное прогрессорство и «приобщение к цивилизации».

6. Системный кризис

В 20 веке западная модернистская цивилизация, охватив все доступное пространство Земли, вплотную подошла к пределам собственного роста и столкнулась с перспективой даже не кризиса, а закономерного коллапса. Предколлапсное состояние охватило все сферы жизни и было неизбежным и закономерным следствием тех самых тенденций, которые и определяли развитие данной цивилизации. Рассмотрим основные проявления кризиса.

Кризис экономический. Как уже было отмечено, капитализм в силу самой логики своего развития не может устойчиво существовать без интенсивного и экстенсивного (причем, все ускоряющегося) роста, без захвата новых рынков сбыта и новых источников сырья. К началу 20 века весь мир был включен в структуру западноевропейской индустриальной капиталистической цивилизации и поделен между европейскими метрополиями, расширяться более стало некуда. Кризисы перепроизводства поразили мировую экономику, причем, чем дальше, тем более глубокими, продолжительными и разрушительными они становились. В условиях экономических кризисов капиталистический мир столкнулся с обострением классовых антагонизмов и оказался перед лицом угрозы неконтролируемого социального взрыва.

Каждая из капиталистических держав в лихорадочных попытках спастись из кризиса подошла к идее перераспределения рынков сбыта – переделу мира. После относительно мирного этапа второй половины 19 века капиталистический мир (западноевропейская \ мировая цивилизация) вступил в эпоху империализма и мировых войн.

Примечательно, что помимо формальных целей и вне зависимости от итогового передела рынков, война сама по себе оказалась эффективным ресурсом потребления, позволяющим снять остроту кризиса перепроизводства. Массовое уничтожение дорогостоящих продуктов промышленного производства в ходе войны (как самой военной техники, так и разрушаемых в ходе войны объектов) в известной мере восполнило дефицит потребления, само по себе стало открытием нового рынка сбыта. К тому же идеология шовинизма дала возможность до определенной степени снять остроту классовых противоречий.

Однако развитие средств массового уничтожения к середине 20 века достигло состояния ядерного паритета, при котором начало крупномасштабной войны стало означать самоуничтожение человечества. Хотя холодная война и выполняла в определенной мере ту же функцию сверхинтенсивного потребления дорогостоящей индустриальной продукции, однако этого механизма уже стало явно не хватать.

Временный паллиатив был найден в идеологии «общества потребления», в котором избыточное потребление (по сути нацеленное на быстрое и эффективное уничтожение избыточных продуктов производства) стало своего рода общественной обязанностью, неисполнение которой наказывалось обществом (потеря социального статуса, и, даже, в некоторых случаях, работы). Главной движущей силой общества потребления становится постоянная смена моды и реклама, которая из информации о возможности удовлетворения потребностей в

товарах и услугах превратилась в высокоэффективное средство массового гипноза, формирующего сами потребности через прямое воздействие на подсознание (25 кадр, нейро-лингвистическое программирование и ряд тому подобных методик воздействия на психику). Естественные потребности здорового человека ограничены, и их искусственное расширение предполагает изменение (искажение) самой природы человека, формирование противоестественных, патологических потребностей, что и становится задачей товаропроизводителей и самой системы. Наиболее яркое проявление такого рода «потребительского искажения» человеческой природы – это наркомания, представляющая естественное следствие активно и целенаправленно сформированной гедонистической установки на максимизацию удовольствия. Такого рода проблемы, связанные с разрушением человеческой психики в противоестественных для нее условиях насильственного сверхпотребления, сами по себе стали существенным компонентом цивилизационного кризиса. Но и разрешить экономический кризис по существу они не могли: никакая искусственная стимуляция потребностей уже была не в силах справиться с неизбежным кризисом перепроизводства. Ограниченные сырьевые ресурсы стремительно и невосполнимо истощались, а количество производственных отходов поставило человечество на грань экологической катастрофы.

Отметим при этом важнейший момент: сверхинтенсивная эксплуатация природных и трудовых ресурсов, по сути, ускоряющаяся гонка переработки сырья в отходы имела лишь одну реальную задачу: поддержание циркуляции и перераспределения денежных единиц, ценность которых была привязана к продуктам индустриального производства. При всей своей дикой абсурдности, этот процесс оказался абсолютно необходим для поддержания сложившейся общественной экономической системы. Однако истощение природных ресурсов обозначило уже очень близкий рубеж коллапса системы.

В этих условиях «архитекторы» Нового Мирового Порядка из Римского Клуба и родственных ему организаций заговорили о «пределах роста» и провозгласили концепции «устойчивого развития» и «нулевого роста». В рамках этих проектов была провозглашена идея всеобщего сотрудничества в масштабах человечества («новое мышление»), пересмотр базовых парадигм господствовавшей цивилизации – не только парадигмы антагонизма социалистического и капиталистического лагерей, но и более глубинных парадигм индустриализма, сциентизма и прогресса. По сути, речь шла о коренном преобразовании цивилизационных парадигм всего Нового времени, всей мировой (по происхождению своему западноевропейской) цивилизации. Как уже показал исторический опыт, этот путь был тупиковым. Выход из кризиса был найден на совершенно иных путях, гораздо более технократических и жестких, соответствующих структуре западной цивилизации, о чем речь пойдет в следующих главах. Настоящие пути выхода из коллапса уже были намечены на тот момент, и, по-видимому, смысл «гуманистических» прожектов интеллектуалов Римского клуба имел главной задачей лишь идеологическое разоружение верхушки СССР в завершающей фазе холодной войны.

Кризис мировоззренческий. Одной из фундаментальных парадигм Нового Времени, особенно ярко проявившейся в эпоху Просвещения, была вера в человеческий разум. Человеческий разум, рассудок был в прямом смысле возведен в культ и занял на какой-то момент в общественном сознании положение религии. Рассудок воспринимался как источник истины (и даже как средство познания Истины в абсолютном смысле слова – как объективных и реальных «законов природы»), источник научно-технического, социального и экономического прогресса, всех общественных добродетелей и как достаточное средство для построения идеального общества всеобщего изобилия, счастья и абсолютной справедливости.

Вся классическая философия Нового времени так или иначе вращается вокруг одного предмета – субъекта познания, человеческих познавательных способностей. Предельный манифест этой парадигмы – картезианское «cognito ergo sum» и «я есть мыслящая вещь».

Наука становится практически монопольным источником истины, а научность – синонимом достоверности и реальности. При этом наука понимается исключительно в бэконовских методологических парадигмах воспроизводимости эксперимента и экспериментальной верификации. Любопытно при этом, что на гуманитарные науки (где в большинстве своем постановка эксперимента невозможна) распространяется логика той же естественнонаучной методологии. Гуманитария становится придатком естествознания.

Однако, уже начиная с 19 века эти цивилизационные парадигмы начинают сначала давать сбои, а затем разрушаться, а в 20 веке кризис становится очевидным. Логика кризиса самой науки уже была описана нами выше. Все большая и большая специализация, все большая детализация, все нарастающее преобладание анализа над синтезом привели в итоге к распаду целостной «научной картины мира». Фикция «законов природы» как проявление чистейшей воды «метафизики» была окончательно разоблачена в позитивизме. Наука превратилась в индустрию получения, накопления и, в лучшем случае, систематизации все возрастающего количества фактов. Раздробленные осколки «научной картины мира» потеряли статус даже приближений к «объективной истине» и стали лишь моделями для систематизации фактов. Отсутствие «метафизических» «законов природы» de facto было признано, а значит, наука потеряла свой квазирелигиозный статус и стала зависеть от категорий чисто прагматической ценности в рамках научно-технического прогресса. Фундаментальные науки как явление начали распадаться, утрачивая как предмет, так и методологию, а главное – социальную востребованность.

Тот же переворот произошел в философии. Начиная с иррационализма Шопенгауэра, монополия разума как основного предмета философии рухнула. На смену «классической» «философии разума» на некоторое время пришла «философия воли», но очень скоро и она сошла со сцены. Если понимать под философией рациональное познание в общих и всеобщих категориях, то к середине 20 века она попросту исчезла. Всевозможные экзистенциалистские, психологистские, лингвистические, культурологические и историософские философствования уже не только не были рациональным познанием, но и

не могли претендовать на всеобщность категорий. Они стали исключительно частными и притом крайне нестрогими областями знания с весьма расплывчатым предметом и методологическим аппаратом. Последней философской в подлинном смысле системой оставался марксистский диамат. Его распад привел в итоге к полному мировоззренческому вакууму. Цивилизация утратила мировоззренческое ядро.

Наконец, эпоха мировых войн и революций положила конец социальным утопиям о «царстве разума» и просвещении как источнике добродетелей. В этих условиях стала распадаться и мифологема Прогресса. Мысль о развитии, о движении вперед или вверх предполагает неподвижную точку отсчета и систему координат, относительно которой можно определить сами понятия «вверх» и «вниз». Эпоха Нового Времени, отказавшись от идеи Бога (а по логике вещей такой неподвижной точкой отсчета может быть только Бог, или хотя бы его мистификация в форме спинозовской «субстанции» или гегелевской «абсолютной идеи»), на какое-то время смогла водрузить на Его место «законы природы», бесконечное познание которых человеческим разумом и составляет содержание и движущую силу прогресса. Но распад фикции «законов природы» привел и к распаду мифологемы прогресса. А кошмары мировых войн, неконтролируемость достижений науки и перспектива экономической и экологической катастрофы добили этот миф и в массовом сознании, чуждом философской рефлексии.

Человечество оказалось перед лицом неконтролируемости собственных деструктивных инстинктов и в отсутствии мировоззренческих ориентиров, значимых авторитетов, а главное – осознанных целей и программ развития, перед лицом внезапно возникшего на месте бесконечно восходящей лестницы прогресса цивилизационного тупика. Отражая тенденции общественного сознания, на место оптимистических утопий научной фантастики пришел или жесткий киберпанк с его мрачным прогнозом перспектив ближайшего будущего, или коммерческая штамповка дешевой фэнтази – эскапистский наркотик, позволяющий хоть на время сбежать из беспросветной реальности в мир грез.

Теперь обратим внимание на расклад мировых сил в финальной стадии холодной войны. На этот момент на арене мировой истории выступали два субъекта (остальной мир представлял собой скорее пассивный объект их борьбы) – Советский Союз во главе Варшавского договора и США во главе НАТО. Несмотря на геополитический, идеологический и цивилизационный антагонизм, эти два субъекта представляли собой две альтернативные версии цивилизации одного и того же принципиального устройства – индустриальной технократии [8]. Обе они базировались на одних и тех же мифах материализма (в том числе «экономизма», идее примата «объективных» экономических законов над «идеологией»), сциентизма (своего рода синтез рационализма и эмпиризма), эволюции (в частности, исторического, социального и научно-технического прогресса и дарвинистической конкуренции) и исторического монизма (евроцентризма). Обе они, хотя и в разной мере, развивались как «общества потребления» [9] и вошли в тот

глобальный цивилизационный кризис, структура которого описана в предыдущих главах.

Тем не менее, имели место и существенные различия. Советский Союз представлял собой скорее компромиссную модель, в которой под идеологией, терминологией и внешними структурами модернистской, «цивилизованной» (по меркам евроцентризма) и «прогрессивной» технократии скрывались глубинные структуры традиционного архаического общества [10]. С учетом того, что СССР представлял собой более традиционалистскую цивилизационную модель, прогноз противостояния выглядел следующим образом. Западная цивилизация была более эффективна и избыточна в плане материального производства. Советский Союз в рамках своей полуархаической цивилизационной системы в принципе не мог достичь сравнимого с Западом ускорения производства (хотя бы потому, что он не был «внутренне» на это ориентирован). Более того, отставание СССР в этом смысле не только сохранялось, но и закономерно росло. Для СССР было бы естественно просто отказаться от этой бессмысленной для него гонки и закрыться железным занавесом от конкуренции со стороны капиталистического мира – жить по собственным законам удовлетворения естественных потребностей (которые вовсе не являются «неуклонно возрастающими») и в режиме разумного самоограничения и относительного равновесия с вмещающим ландшафтом (экотопом). Но здесь перед Советским Союзом вставала та же самая проблема, что и перед классическими традиционными обществами в эпоху колониальной экспансии западного мира. Сохранение стратегического паритета (а его существенное нарушение могло привести к военной агрессии и поражению в ядерной войне) требовало вложения все больших и больших средств. Гонка вооружений втягивала (причем закономерно и неизбежно, независимо от каких-либо субъективных факторов) советскую цивилизацию в такое соревнование с западным миром, которое она проигрывала неизбежно в силу своего внутреннего более стабильного устройства. Тем не менее, надежда была. Сверхэффективная западная цивилизация подошла вплотную к тому коллапсу, суть которого была описана выше – к точке критического переполнения рынка, истощения дальнейших резервов его расширения, а главное – критического истощения природных ресурсов. Вопрос стоял таким образом: сумеет ли Советская цивилизация в заведомо неравном и истощающем ее соперничестве продержаться до момента внутреннего кризиса и неизбежного самораспада западной цивилизации [11] или не выдержит напряжения и рухнет раньше, тем самым превратившись в дополнительный ресурс для Запада и отсрочив все равно неизбежный мировой коллапс, но при этом вовлекшись в него сама.

На самом деле западная цивилизация нашла выход из коллапса существенно раньше и на совершенно иных путях. Капитализм преодолел пределы собственного роста и угрозу кризиса перепроизводства за счет перехода к информационному обществу. Основная сфера производства просто сместилась из промышленной сферы в информационную, в которой пределы возможностей потребления ограничены гораздо менее жестко, а проблема ограниченности невосполнимых ресурсов вообще отсутствует.

7. Виртуализация

Понятие «постиндустриального» или информационного общества было введено в оборот Беллом и Тоффлером. Согласно Тоффлеру история человеческой цивилизации представляет собой последовательность трех волн, каждая из которых обусловлена революционным технологическим прорывом в сфере производства. Каждая волна определяет всю структуру цивилизации, начиная от организации производства и заканчивая восприятием пространства и времени. Первая волна – аграрная – связана с переходом от присваивающего хозяйства к производящему, а именно – к земледелию. Вторая – индустриальная, связанная с возникновением промышленного машинного производства. Третья – информационная.

В течение довольно длительного времени после возникновения настоящего промышленного производства инерция мышления поддерживала старую экономическую концепцию, согласно которой «настоящим» производством является сельское хозяйство, создающее основной экономический продукт – то есть продукт питания (потребность в котором существенно фундаментальнее потребностей в продуктах индустрии); промышленность же служит своего рода «надстройкой», основная экономическая функция которой сводится, в конечном счете, к интенсификации сельского хозяйства (более эффективные промышленные орудия сельскохозяйственного труда и т.д.). Однако развитие производительных сил в результате технологического прогресса опрокинуло эту схему. Для обеспечения потребностей всего общества в продуктах питания оказалось достаточно участия в сельскохозяйственном производстве лишь крайне незначительного процента населения (который и дальше продолжает снижаться). Остальное население для сельскохозяйственного производства оказывается избыточным и вовлекается в производство промышленное. Последнее и становится ведущей производственной сферой, в то время как сельское хозяйство из центральной сферы производства превращается в периферийную (хотя с «физиологической» точки зрения его продукты и первичны, но их избыток делает потребность в них вполне удовлетворенной, а потому как бы и незаметной).

Аналогичный процесс произошел и при переходе к информационному обществу. Научно-технический прогресс обеспечил такой уровень производительности, который перевернул приоритеты производства. Обеспечение потребностей всего общества в промышленных продуктах стало требовать участия в их производстве все меньшей доли общих трудовых ресурсов. Напротив, производство информации из сферы обеспечения индустрии, из придатка, сводимого к повышению ее производительности, превратилось в ведущую, самодостаточную и определяющую сферу производства, в которой занята большая часть производительных сил.

Переход к информационному обществу снял наиболее фундаментальные предпосылки цивилизационного коллапса. Производство информации (прежде всего – производство наукоемких технологий и программного обеспечения, но также и «информации потребления»: литературы, кинематографии и т.п.) имеет гораздо менее ограниченные пределы возможного потребления. В частности,

современная киноиндустрия позволяет практически до бесконечности повышать капиталоемкость продукции. Поскольку все более существенная часть населения вовлекается в эту сферу производства, то и перераспределение прибыли приводит к неуклонному росту платежеспособности потребителя. Рынок самозамыкается сам на себя и оказывается сбалансированным.

Мы уже отмечали выше, что и при классическом капитализме деньги по сути своей представляют собой виртуальную ценность. Лишь их искусственная привязка к натуральным ценностям обуславливает потребность постоянного повышения интенсивности потребления, что в финальной фазе капитализма приводит к абсурдной ситуации фактически сознательного уничтожения промышленной продукции и поиску путей «рационализации» этого уничтожения (война, смена моды и т.д.). Информационное общество разорвало связь между виртуальным капиталом (извлечением дохода) и реальной экономикой (обеспечивающей реальные потребности). «*Сфера спекулятивных оборотных капиталов уже настолько автономна, что сами ее конвульсии не оставляют никаких следов*» [12].

Все те процессы, которые на завершающем этапе модерна выступали проявлением надвигающегося коллапса, сохранились и даже интенсифицировались, однако неминуемость катастрофы была снята. Вся та активность ради самой активности, которая была неизбежно присуща западной цивилизации, и бессмысленность которой вела к коллапсу, была выведена за рамки реального физического жизнеобеспечения в виртуальное пространство социальной игры. Важно при этом то, что выход за рамки реальности, «выведение на орбиту» по меткому выражению Жана Бодрийяра, прекратил или, по крайней мере, многократно снизил интенсивность разрушения физической среды обитания. Бесконечная интенсификация информационного производства уже не требует интенсивной переработки сырья в отходы, не истощает запасы невосполнимых природных ресурсов и не грозит экологической катастрофой. Истощение природных ресурсов, хотя и продолжается, но связано уже не с базовыми императивами цивилизации, а с рудиментарными рефлексами ушедшей эпохи («второй волны»), а, следовательно, если и представляет угрозу, то только угрозу кризиса, а не коллапса. Человечество оказалось в ситуации, когда все основные проявления его активности перешли в виртуальное пространство – пространство социальной игры.

Виртуализуется экономика: оборот спекулятивного виртуального капитала в десятки раз превышает объем реального товарообмена, а мировые денежные единицы, давно уже не привязанные к золотому запасу, обеспечиваются реальными вещественными товарами и услугами лишь на сотые доли своего номинала. Экономика превращается в автономную от социальной реальности и независимую от каких-либо объективных законов игру по условным правилам. Она становится своего рода клубом (или тусовкой) замкнутого круга лиц, игры которых имеют все меньшее значение для жизни и благосостояния тех, кто в них не участвует.

Точно так же в автономный клуб, играющий по собственным правилам, замыкается и политическая элита. Гражданское общество

настолько ограничило участие государства в социальной жизни, что государственные политики утратили не только власть над жизнью и смертью граждан, но даже функции управления и менеджмента. Политики стали практически чисто представительными фигурами, а сфера их активности все более смыкается с шоу-бизнесом, что отражается приходом в большую политику популярных артистов, певцов и т.п. Но тот же самый процесс происходит и в сфере политического андеграунда. Политические радикалы и нонконформисты смыкаются с постмодернистским искусством. Их маргинальный ультрарадикализм (единственное для них средство заявить о себе и пробиться сквозь все возрастающий поток информационных шумов) вписывает их в общую систему постмодернистского балагана. Вольно или невольно они сами принимают те правила игры и тот язык, на котором с ними вступает в диалог пресса и шоу-индустрия, утрируют собственные идеи и становятся, в соответствии с общим правилом постмодерна, амбивалентными знаковыми символами, пародирующими и отрицающими собственный смысл.

Как ни парадоксально, но политический андеграунд и политический истеблишмент оказываются практически полностью идентичны в своей социальной функции – функции круга, замкнутого исключительно на свои внутренние интересы, и представляющие для остального общества интерес исключительно в духе шоу: наравне с тусовкой поп-звезд, артистической богемы или знаменитостями спорта. Именно поэтому деятельность политиков точно так же «выводится на орбиту» и катастрофы их виртуального мира приобретают практически тот же характер, как и катастрофы фантастических картин. По мере того, как программа новостей утрачивает связь с реальностью, а фантастические блокбастеры становятся все более реалистичными, различие между ними все более стирается и исчезает [13].

В чисто виртуальной реальности существуют такие сферы как маркетинг, реклама, имиджмейкинг и т.д. Смысл этих сфер социально признанной деятельности исчерпывается социальной ролевой игрой и практически не связан с производством. Между тем, работа рекламных и торговых агентов составляет значительную долю рынка труда.

Наука эволюционирует в том же направлении. Ускоряющаяся гонка количества открываемых фактов, экспоненциальный рост числа публикаций происходит на фоне утраты всякого интереса к смыслу и целям данной деятельности, способности к осмыслению, осознанию и синтезу получаемой информации. Практическая деятельность освободилась и автономизировалась от собственного смысла, но при этом вовсе не прекратилась и не исчезла, а, напротив, лишь интенсифицировалась [14]. Это полный аналог производства денег ради самого процесса производства денег, отмеченного нами еще для классического капитализма Нового времени. Впрочем, это вполне закономерное следствие той исходной автономизации личности от надындивидуального и сверхприродного начала, которая обусловила все модернистские тенденции и закономерно привела к отказу от самого поиска смысла, к формуле: «смысл действия – в самом действии», «смысл изменений – в самом факте изменений», «смысл накопления – в самом факте накопления».

Сложилась любопытная картина, когда собственно экспериментальная научная деятельность и осмысление роли и тенденций развития науки осуществляются разными специалистами, не пересекающимися между собой. Тем самым наука расписывается в полной утрате произвольности и телеологичности своей деятельности. Она функционирует как заведенный механизм, и максимум на что способна в плане рефлексии – это фиксировать факты собственной непроизвольной жизнедеятельности, наблюдать за собой как за неодушевленным объектом. Впрочем, это относится не только к науке, но и ко всей постмодернистской цивилизации.

В гуманитарных науках кризис выразился в противоположной на первый взгляд форме: в форме бесконечного саморефлексивного отражения науки о самой науке. Исследование логики и тенденций развития собственных представлений и концепций приобретает самодостаточность, а собственно объект науки вытесняется на периферию ее интересов и, наконец, вовсе теряется из виду. Достаточно взять современную историческую монографию, чтобы убедиться: до 70% ее объема составляет историография вопроса.

Несмотря на кажущуюся противоположность этих двух тенденций, они имеют одну и ту же внутреннюю суть. Распад представлений об «объективных законах природы» и осознание произвольности научной интерпретации привели к утверждению концепции «смены научных парадигм» Куна с присущим ей критерием научной истины как «соглашения научного сообщества». А раз научная истина есть соглашение научного сообщества, то наука в целом производна от парадигм цивилизации, и все ее претензии на универсальность (хотя бы даже уже и в утверждении самых частных эмпирических фактов) мнимы. Значит, любая познавательная система принципиально равна любой другой. К примеру, средневековая алхимия ничуть не менее и не более «научна», чем ньютоновская или эйнштейновская физика. А, следовательно, в рамках плюралистической цивилизации (в которой нет общеобязательных парадигм) могут параллельно существовать несколько научных сообществ, обладающих принципиально различными и не сводимыми к общему знаменателю методологиями и научными истинами (истинными каждая в рамках своего сообщества). Отсюда – реальность «академий парапсихологии» и «новых хронологий», которые чем дальше, тем более будут уравниваться в своем статусе с «академической» наукой. Если сейчас академическая наука еще сохраняет определенную монополию на «научность» и иерархический приоритет, а равно и определенность своих предметов и методов, то в будущем следует ожидать утраты этих преимуществ и превращения нынешней науки в одно из множества равноправных неформальных объединений. Иными словами, рождается принципиально новый тип «науки» как неформального сообщества, играющего по своим собственным совершенно условным правилам, точно такого же «клуба по интересам», какими стали политика и экономика.

В литературе одним из самых популярных жанров становится фэнтази – «мифологическая», подчеркнуто ненаучная фантастика, построенная как свободная игра образами и символами, максимально игровой жанр. Построенный на иллюзии обращения к реалиям

традиционного, средневекового или варварского общества (мифология, уровень технологии, социальные реалии), на самом деле фэнтази в чисто постмодернистском духе переворачивает и искажает символы, разрывает цельность картины мира, эклектически перемешивает фрагменты разных эпох и культур, пародирует традиционные сюжеты.

Фэнтази служит характерным примером стремления к выходу в виртуальную реальность, эскапизма. Если научная фантастика еще сохраняла определенную связь с реальностью, в художественной форме намечая перспективы прогресса (футурологическая функция) или акцентируя внимание общества на возможных угрозах (антиутопии), то фэнтази принципиально разрывает эту связь, становясь просто индустрией отвлечения, своего рода «опиумом для народа». При этом грань между фэнтази и «научной картиной мира» стирается. Как уже было отмечено, наука приобретает полностью неформальный плюралистический характер, а категория научной истины окончательно релятивизируется. Возникают «альтернативные концепции», такие как «новая хронология» Фоменко или исторические реконструкции Асова. Идет создание мифологической картины вымышленного прошлого, и в рамках этого процесса фэнтази историческая и фэнтази литературная сливаются в общий поток: «Велесова книга» и «Сильмариллион» представляют культурные феномены одного и того же плана.

В сфере религии наблюдается всплеск неоязычества (особенно в духе New Age). Впрочем, современное неоязычество не имеет практически ничего общего с язычеством традиционным. Неоязычество представляет собой игру в религиозном антураже, искаженную имитацию элементов обрядности при отсутствии религиозного чувства. Создатель очередного неоязыческого культа в ряде случаев открыто декларирует свое право придумывать таких богов, каким ему бы хотелось поклоняться. Такой тип антирелигиозного сознания ретроспективно распространяется и на традиционные религии, которые объявляются продуктом такой же свободной фантазии. При этом сферы (псевдо)литературы, (псевдо)науки и (псевдо)религиозности не только смыкаются, но и сливаются, и квазирелигиозные «культы» на основе литературных произведений (книги Толкина, а тем более, Бажова) начинают претендовать на уравнение в статусе с традиционной религией. Впрочем, смешение и слияние сфер социального бытия, принципиально противоположное холизму традиционного общества и исходящее как раз из предельной фрагментации, диссоциации и растворения в общем хаосе, мы можем отметить буквально во всем [15].

Виртуализация сознания находит прямое отражение в формах социальной самоорганизации, что особенно ярко видно на примере молодежных субкультур, ибо сознание молодежи наиболее чутко отражает актуальные тенденции цивилизационного и культурного развития. Среди молодежи широко распространяются разнообразные формы культуры, связанные с эскапизмом – уходом и существованием в виртуальных вымышленных мирах – будь то «параллельные миры», «альтернативные реальности», мифологизированное и фальсифицированное воображаемое прошлое или столь же фантастические представления о культурах экзотических народов (японцев, индейцев и пр.). Таковы молодежные субкультуры толкинистов

(почитателей английского писателя Толкина), ролевиков (любителей ролевых игр), «мироглядов» (путешественников по вымышленным мирам), индеанистов, движение исторической реконструкции и т.п. Впрочем, сюда же можно отнести контактеров, «бажовцев» (аналог толкинизма на отечественном литературном материале), неоязыческие общины и т.д.

Каждое из этих сообществ, взятое само по себе, представляется явлением маргинальным и скорее экзотическим на фоне общей массы, но их совокупность (а при всем различии во внешнем антураже суть цивилизационного явления одна и та же) охватывает значительные слои молодежи, в особенности творчески или социально активной. Причем, возникнув изначально как молодежные, эти движения постепенно становятся универсальными в плане возраста участников, вовлеченные в них в молодом возрасте люди остаются и по мере своего взросления. Если изначальный массовый контингент составляли школьники и студенты, то сейчас уже верхняя возрастная планка плавно сдвигается к 40 годам. Есть серьезные основания полагать, что именно такого рода социальные структуры предвосхищают если не всю форму бытия будущего социума, то, по крайней мере, образ жизни устойчиво существующих городских диаспор – своего рода микроэтнических структур.

Наконец, говоря о виртуализации, нельзя не затронуть вопрос о компьютеризации, причем сразу в нескольких различных аспектах. Во-первых, это сам факт появления Интернета – всемирной сети, целого виртуального пространства, дублирующего все основные сферы реального мира (которые, впрочем, как уже было показано, и сами все более виртуализуются): науку, политику, банки, рынок, библиотеки, базы данных, индустрию развлечений, систему коммуникаций и, наконец, среду неформального общения. В Интернете складываются целые постоянные сообщества виртуальных фантомов – ибо персонажи сетевого общения далеко не всегда отражают не только реальные характеристики (пол, возраст, образование и т.д.), но даже и взгляды и мнения своих создателей. Нередко фантомная личина создается или шутки ради или вовсе в качестве провокации. Этот мир живет своей собственной жизнью, не только автономной от реальности, но и оказывающей на нее все возрастающее воздействие. Для многих, особенно молодых, людей виртуальный мир Интернета становится если не единственной, то, во всяком случае, главной средой коммуникации и социально значимого общения. Интернет становится орудием всеобщего доступа к средствам массовой информации, или, говоря точнее, массовой дезинформации.

Второй аспект компьютерной виртуализации связан с созданием и постоянным совершенствованием программ-симуляторов. Наиболее известны в этом плане компьютерные игры. Подключение не только зрительных и слуховых, но и тактильных ощущений создает уже практически полный эффект физического присутствия в генерируемой компьютером виртуальной реальности. Объединение такого рода симуляторов в локальные сети уже вплотную подходит к реализации технологий, показанных в культовом блокбастере «Матрица».

Однако дело не ограничивается только игровыми симуляторами. Программы, созданные для моделирования реальных процессов, начинают подчас подменять их. Не раз уже поднимался вопрос о том, что

молодые исследователи, воспитанные в научном плане на моделях такого рода, начинают мыслить реальность категориями компьютерной модели.

Примеры виртуализации можно приводить бесконечно. Сказанного, впрочем, уже достаточно для того, чтобы сложилась общая картина явления и понимание виртуализации как общего принципа, объясняющего конкретные и частные проявления современной цивилизации во всех ее сферах.

8. Постистория

Как было показано выше, переход в стадию постиндустриального или информационного общества предотвратил тот коллапс, в который западноевропейская цивилизация уже входила. Преодоление этого кризиса предопределило финал холодной войны. Советский проект, сохранявший множество черт, присущих традиционному обществу, выдержать конкуренцию с вступившим в новую цивилизационную фазу западным миром не мог. На это наложились внутренние причины, прежде всего кризис идеократической системы, обусловленный неснимаемым противоречием между идеалистическим и эсхатологическим содержанием советского проекта и материалистическим каноном формальной идеологии, между православными корнями ее менталитета и систематическим уничтожением Православия. Противоречием между консервативно-общинной сущностью [16] институтов советского государства и его модернизаторской и прогрессистской политикой, разрушавшей мировоззренческую базу этих институтов [17]. На это наложился жесточайший кризис марксистской идеологии.

В рамках марксизма и исторического материализма конечная победа социализма над капитализмом выступала как историческая неизбежность, детерминанта. И ее осуществление было миссией промышленного пролетариата – наиболее обездоленной части рабочего класса. Это основа революционной теории марксизма: капиталистическое общество само создает себе могильщика. Чем выше ступень развития капитализма, тем острее антагонизм между капиталистическим и рабочим классами. Развитие этого противоречия неизбежно приводит к смене социально-экономической формации. Капитализм – последняя из классово-антагонистических формаций. На смену ему, согласно марксистской теории, должна была, после промежуточного этапа социализма, прийти бесклассовая и, соответственно, безгосударственная формация, исключающая эксплуатацию. Должен был произойти качественный скачок от исторической детерминированности в состояние свободного развития. Причем осуществить этот скачок мог и должен был промышленный пролетариат. Классическая марксистская теория революции (несущая явные черты мессианской эсхатологии) немыслима без пролетариата. Пролетариат – это ключевой субъект всего исторического процесса, коллективный мессия марксизма.

Вступление западных капиталистических обществ в постиндустриальную фазу означало их переход к новой общественно-экономической формации, отличной от капитализма, что, кстати, так и не было осмыслено в рамках формационной концепции.

Как феодализм соответствовал уровню аграрной цивилизации («первой волне» в терминологии Тоффлера), как капитализм соответствовал цивилизации индустриальной, так новая формация (назовем ее для удобства виртуализмом) соответствует уровню информационной или постиндустриальной цивилизации («третьей волне» Тоффлера). Это новая формация вовсе не исключила социальное и имущественное неравенство и эксплуатацию человека человеком. Более того, она создала гораздо более изощренные формы порабощения. Но, тем не менее, виртуализм – это не есть уже капитализм.

Как известно, власть феодала основывалась на владении землей – основной ценностью в условиях аграрной цивилизации. Именно это монопольное обладание землей позволяло классу феодалов присваивать прибавочный продукт, создаваемый крестьянством. Точно так же класс капиталистов монопольно владел основной ценностью в условиях индустриальной цивилизации – заводами и фабриками. И на том же основании присваивал прибавочный продукт, создаваемый трудом рабочих. Предсказанный марксизмом скачок в новое качество не состоялся. На смену капитализму пришла новая формация – которую мы назвали виртуализмом – точно так же как и предыдущие основанная на неравенстве и эксплуатации. Основной ценностью в условиях информационной цивилизации становится информация и средства ее получения. Информация (прежде всего технологии: компьютерные, молекулярно-биологические, космические и др.) играет ровно ту же самую роль, какую играла земля при феодализме и индустрия при капитализме. Неравенство во владении этим ключевым ресурсом и создает возможность для новой эксплуатации человека человеком, для изъятия прибавочного продукта в условиях новой общественно-экономической формации.

Основной субъект марксистской концепции истории и марксистской теории революции, мессия марксистской эсхатологии – промышленный пролетариат – сошел с исторической сцены, не выполнив той исторической миссии, которую приписывал ему марксизм. Рабочий класс перестал быть классом, он утратил свою классовую природу и классовую субъектность, превратился в общественную прослойку, отнюдь не пролетарскую по своему имущественному положению. Рабочий класс сошел со сцены истории точно так же, как в свое время сошел класс крестьянства. Хотя крестьян можно даже без особого труда найти и сейчас, но они стали очевидным реликтом ушедшей в прошлое общественно-экономической формации. Так же превращается в реликт и рабочий класс.

Постмарксистские теории о «новом пролетариате», под которым понимается либо совокупность колониальной периферии («бедный юг»), либо эксплуатируемые производители информации – очевидно беспомощны [18]. Беспомощны потому, что суть марксистской теории революции сводилась к идее концентрации пролетариата. Неминуемость пролетарской революции в рамках марксистской теории объяснялась именно тем, что сверхконцентрация пролетариата детерминирована самой логикой развития капитализма: от рассеянной мануфактуры – через фабричные производства – к промышленным супергигантам эпохи империализма. Напротив, нерабочий пролетариат, в том числе

«пролетариат умственного труда» не только не сконцентрирован, но и не имеет ни малейшей тенденции к концентрации.

Итак, мессианская концепция, вокруг которой выстроен весь марксизм – неминуемость пролетарской революции и перехода к бесклассовому обществу – распалась. А значит, распался и марксизм как цельная мировоззренческая доктрина. Хотя многие его модели и не утратили актуальности, но теперь это только фрагменты, включенные в рамки и контекст иных теорий и концепций.

Крах марксизма и одновременный распад Советского Союза завершили этап борьбы и противостояния исторических альтернатив, в каких бы доктринальных формах эти альтернативы не рассматривались: как противостояние социализма и капитализма; труда и капитала; евразийства (Суши, телурократии) и атлантизма (Моря, талассократии); тоталитаризма и демократии; традиционного «закрытого» и модернистского «открытого» обществ и т.д. В каких бы координатах не рассматривалась история, альтернативность исчезла, одна из альтернативных версий утвердила свой универсализм [19].

Окончательность (реальная или мнимая) торжества попперовской утопии «открытого общества» дала основание Фукуяме сформулировать идею «конца истории». Концепция постистории развита Бодрийяром, указавшим на исчерпанность исторических возможностей. Все исторические потенции реализованы, и остается лишь имитировать осуществление уже осуществленного. Происходит вирусоподобное неконтролируемое клонирование, все ускоряющееся и ничем не ограниченное возрастание количества без перехода в качество, бесконечная интенсификация процесса при утрате его смысла и функции (т.к. смысл и функцию задает отношение части к целому, а разрушение цельности аннулирует понятие смысла).

Объем накопленной информации, объем исторического наследия при отсутствии целей развития и генерализующей схемы, позволяющей каким-то образом преобразить, преобразовать и практически использовать это наследие, становится непосильным. «*Ничто … не исчезает более, достигнув своего конца или смерти; исчезновение происходит из-за размножения, заражения, насыщения и прозрачности, изнурения и истребления, из-за эпидемии притворства, перехода во вторичное, притворное существование. Нет больше фатальной формы исчезновения, есть лишь частичный распад как форма рассеяния. Ничто более не отражается в своем истинном виде ни в зеркале, ни в пропасти, которая являет собой ни что иное, как раздвоение сознания к бесконечности. Логика вирусного рассеяния сетей уже не есть логика ценности или равноценности*». «*Написано и распространено столько знаков и сообщений, что они никогда не будут прочитаны. К счастью для нас! Ибо даже с той малой частью, которую мы абсорбируем, с нами происходит нечто, подобное казни на электрическом стуле. Этой необычайной бесполезности присуща некая особая тошнота. Тошнота, испытываемая миром, который размножается, гипертрофируется и никак не может разродиться. Все мемуары, все архивы, вся документация не в состоянии разродиться одной-единственной идеей; все эти планы, программы, решения не могут разрешиться каким-либо событием*» (Жан Бодрийяр «Прозрачность зла») [20].

Отсюда и невозможность какого-либо нового слова или новой доктрины. Количество сказанного, услышанного, количество информации, размножающейся и распространяющейся по всем коммуникативным каналам таково, что все новое оказывается уже известным, уже усвоенным и вызывает в точности ту аверсивную реакцию, какую испытывает человек или любое животное к пище в состоянии предельного пресыщения. Цивилизация, как и отдельные ее представители, пресыщена информацией до предела, до полного физического отвращения к ней, до отторжения и отвращения к любым идеологиям, к любым лозунгам.

Уровень информационных «фоновых шумов» таков, что пробиться через них можно только за счет усиление громкости и яркости, но само это усиление доводит транслируемую идею до гротеска, до пародирования самой себя, и в итоге она лишь встраивается в общий фоновый шум, еще более повышая его уровень и всеобщее состояние разнузданного хаоса.

Все исторические возможности реализованы. «*Нам остается лишь изображать оргию и освобождение, притворяться, что ускорив шаг, мы идем в том же направлении. На самом же деле мы спешим в пустоту, потому что все конечные цели освобождения остались позади, нас неотступно преследует и мучает предвосхищение всех результатов, априорное знание всех знаков, форм и желаний. Но что же нам все-таки делать? Мы находимся в состоянии лицедейства и не способны ни на что, кроме как заново разыграть спектакль по некогда написанному в действительности или в воображении сценарию. Это состояние, когда все утопии обрели реальные очертания, и парадокс состоит в том, что мы должны продолжать жить так, как будто этого не было. Но так как утопии все же стали реальностью, мы не можем больше тешить себя надеждой, что нам еще предстоит дать им жизнь. Все что нам остается - тщетные притворные попытки породить какую-то жизнь помимо той, которая уже существует. Мы живем в постоянном воспроизведении идеалов, фантазмов, образов, мечтаний, которые уже присутствуют рядом с нами и которые нам, в нашей роковой безучастности, необходимо возрождать снова и снова*» (Жан Бодрийяр «Прозрачность зла»). Здесь и возникает необходимость в реальности-симуляторе, создающей виртуальное пространство прошлых эпох как если бы они еще не были прожиты [21].

Невозможность новизны создает потребность и необходимость в симуляции и имитации собственной истории, и ее постисторическое воспроизведение приобретает характер лицедейства, карнавала, смешения элементов, атрибутов, символов, вырванных из разных, несводимых друг к другу культурных контекстов. Театральный эффект максимизируется доведением разыгрываемых ролей до состояния фарса, карикатурного утрирования, но действие остается полностью условным, не претендующим ни на что, кроме эпатажа, политкорректным и стерильным в отношении результата.

9. Декорированная пустота

Отсюда становятся понятны особенности постмодерна как стиля – не только в искусстве, но во всех сферах жизни от быта до экономики, от

науки до политики. Это фрагментарность и клиповость, иррациональность и подчеркнутое отсутствие точности, последовательности и законченности. Это опрокидывание и растворение всех оппозиций, в первую очередь оппозиции объекта и субъекта. Это предельный релятивизм (логический, эстетический, этический), доведенный до исключения всякой точки и меры отсчета, особенно в отношении категории ценности. Это деструкция всякого канона, крушение структуры, рамок, метода, размывание всех категорий.

Полный релятивизм при отсутствии преобладающего стиля, какого-либо организующего принципа или начала, а, следовательно, максимальная фрагментация и эклектика – смешение без композиции. Отсутствие центра наиболее ярко выражается в постмодернистской архитектуре [22]. Элементы группируются вокруг пустоты, собственно говоря, постмодернизм – это и есть оформление пустоты.

Ключевое слово, определяющее постмодерн как стиль – деканонизация. Свобода в постмодерне понимается именно как свобода от заданных точек отсчета, от рамок любого канона – логического, стилистического, аксиологического, эстетического, этического.

Возьмем, к примеру, литературу и постараемся вычленить присущие постмодерну особенности. Во-первых, практически отсутствует сюжет. Как минимум он маловажен (сюжетная книга в рамках постмодернизма сразу оценивается как «низкий стиль»), как максимум – он отсутствует вообще и книга построена таким образом, что читать ее можно практически с любого места. Второе, что мы можем отметить – это множество аллюзий и смысловых отсылок. Постмодернистское произведение (не только литературное, но и архитектурное, кинематографическое и пр.) крайне несамостоятельно и практически полностью исчерпывается игрой (это еще одно ключевое слово в описании постмодерна, отметим его) уже известными читателю образами и символами, вырванными из самых различных культур – исторических эпох, религиозных традиций, идеологических концепций. Именно вырванными, а не почерпнутыми, так как автор (на самом деле автора в постмодернистском тексте нет: есть компилятор-оформитель) специально заботится о том, чтобы, поместив известные символы в максимально чуждый им контекст, не только извратить их смысл, но опрокинуть на противоположный.

Все сакральное (а постмодерн особо любит обращаться к сакральному) должно быть непременно дискредитировано и осмеяно, все табуированное (кроме того, что табуируется самим постмодерном) – выставлено напоказ, все низменное – эстетизировано. Таков канон: в постмодернистском произведении все должно сравняться со всем, к примеру, не только аксиологическая, но даже смысловая разница между религиозной святыней и порнографией должна исчезнуть [23]. И это не просто кощунство ради кощунства, не художественное хулиганство. Это последовательная реализация плюралистической (демократической) парадигмы: каждый равен каждому, все взаимно обменивается на все [22]. Никакой сегрегации, никакого смыслового или тем паче ценностного неравенства. «Джоконда и тюбик клея» - на равных. Библия и «Хроники Амбера» - на одной полке. «Повесть временных лет» и «Новая хронология» Фоменко – как две равные альтернативные версии. Академия

магии и колдовства на равных с Академией Наук. Или, как призывает постмодернистский идеолог Дугин, «*фигуры делирия пациентов* [должны] *утвердиться наряду с полотнами классиков*» [25].

Вторая существенная особенность – это этический релятивизм. Постмодернистское произведение просто по определению не может содержать идей разграниченности добра и зла. Зло эстетизируется и оказывается выражением свободы духа, добро на поверку выходит фарисейством и пошлостью, скрывающими таящееся злодейство. Но простой перевертыш – это еще примитив, в настоящем постмодернистском произведении потом делается еще несколько вывертов наизнанку, когда очерненное белое снова до известной степени обеляется. И общий вывод (хотя выводов постмодернистское произведение, разумеется, не делает принципиально) при большом желании можно было бы сформулировать так: разницы между добром и злом, между высоким и низменным, между красивым и безобразным, между истинным и ложным просто нет. Все зависит от той точки, с которой смотришь в данный момент – от угла зрения и сопутствующего контекста. То же относится и к критерию эстетическому. Постмодернистское произведение обязано быть дисгармоничным. Картина должна быть некрасивой, книга – скучной. Только такое произведение имеет шансы быть оцененным постмодернистской «элитой». Таков критерий свободы от эстетического канона (к примеру – живописная картина, изображающая разлагающийся труп лошади). Интересность и наличие сюжета в книге, красота картины, соблюденность пропорций, наличие сколько-нибудь ясного смысла – все это в постмодернизме окажется свидетельством примитивности и пошлости. Это и понятно: такого рода проявление авторства «тоталитаристски» навязывало бы читателю некий определенный взгляд, в то время как постмодернистское произведение строится как калейдоскоп, в котором каждый читатель или зритель находит свои ассоциации и свой смысл, зависящий исключительно от его собственных установок, желаний, кругозора и жизненного опыта. Собственного смысла в нем не заключено. (Почему героиню фильма «Матрица» зовут «Троица»? Потому, что это слово так богато смыслами, лежащими, конечно, вне фильма, что каждый найдет себе ответ сам. Какой из этих ответов «правильный» - вопрос в рамках постмодернистского жанра бессмысленный). Это то же самое оформление внутренней пустоты, что и в архитектуре. Именно такая «свобода» от смысла и выступает залогом «свободы» читателя / зрителя понимать произведение так, как ему заблагорассудится, в зависимости только от потока собственных ассоциаций.

Постмодернистское произведение иронично. Но это не ирония по поводу чего-то конкретного. Это не классический юмор или сатира, высмеивающая нечто с некой целью. Это ирония вообще, ирония в пространство, по поводу бессмысленности, пустоты и бессодержательности мироздания, отраженной в пустоте и бессмысленности произведения. Типичная ситуация для фэнтази (характерно постмодернистский жанр литературы!), когда сквозь искусственность стилизации под архаику (под средневековье, под варварство, под абстрактно-усредненный «восток», как их, разумеется,

представляет автор) вдруг бросается (словно случайно) яркая деталь современного мира (от цитаты из армейского устава до терминов современной науки) – своей акцентированной неуместностью сразу привлекающая внимание [26]. Эта нелепость делается специально и сознательно (более того, именно в постоянном сбое восприятия такими неувязками и состоит сущность книги). Сознательная нелепость подается как «ирония» автора текста над… над всем, прежде всего над идеей принимать произведение (да и вообще что-либо) всерьез. Это еще один императив постмодерна: ничего нельзя принимать всерьез, ничто не серьезно, ничто не заслуживает доверия и уважения (а уж тем паче почитания). Более всего смешон тот, кто пытается чему-то верить, к чему-то относиться серьезно, в чем-то (а особенно в себе) искать точку опоры (ведь это «что-то» может, и по идее должно, оказаться непреходящим, не подверженным релятивизации, аксиологически неравным «всему остальному» - следовательно, тоталитарным). По сути мир в его постмодернистском изображении есть хаотический и иррациональный морок, в котором не может быть ничего истинного. К этому подспудно и склоняется читатель – жить «как во сне», не пытаясь ни в чем разобраться, отказаться от критического восприятия реальности, принять всеобщее безумие как норму [27].

Всякий знак в постмодернизме должен быть двусмысленным, неточным, «соскальзывающим» (одно из любимых словечек постмодернистов). Постмодерн стремится упразднить всякую смысловую определенность. Уместно в этой связи вспомнить знаменитую максиму Ролана Барта «*язык – это фашизм*». Определенность и заданность смысла языкового знака воспринимается здесь постмодернистским сознанием как «цензура», как ограничение «свободы» понимать под словами все что хочется. Выход из этого положения находится постмодернистами фактически в создании нового «скользящего» языка, игры словами, своего рода каламбура, положенного в основу всего языка. В результате меняется сам тип мышления: формальная логика на таком языке становится невозможна, язык лишается содержания, и, подобно постмодернистским литературным и архитектурным произведениям, становится лишь оформлением внутренней пустоты. Идея такой «революции текста», казавшаяся полвека назад почти невероятной, сейчас успешно воплощена в реальность. Слова-симулякры, не несущие заданного смысла, но вызывающие за счет скользящих ассоциаций иллюзию осмысленности, надежно вошли в арсенал манипуляции сознанием. То, что казалось «новым левым» эффективным средством освобождения от тоталитарной репрессивности, стало эффективнейшим орудием репрессивности плюралистической.

10. Скрытая власть

Все вышесказанное позволяет сделать существенный и ключевой в рамках настоящей работы вывод: переход к постмодерну НЕ ЯВЛЯЕТСЯ пересмотром, отвержением или преодолением тенденций, заложенных в модерне. Напротив, все те тенденции, которые были заложены в модернистской цивилизации, в постмодерне доведены до своей полной реализации. Пересмотр в рамках постмодерна модернистских парадигм

связан исключительно с тем, что модерн (европейская цивилизация Нового Времени) несмотря и вопреки собственным тенденциям сохранял еще определенную преемственность христианской цивилизации. Ошибочно рассматривать европейскую цивилизацию Нового Времени как некое стабильное или квазистабильное состояние; напротив, ее следует рассматривать как непрерывный и ускоряющийся процесс распада традиционного общества. Постмодернизм – это не распад и кризис модерна, как это принято считать, а лишь точка, в которой процесс распада традиционных институтов и традиционного мировоззрения достигает своей завершенности. Отсюда важный и существенный вывод: сопротивление и противостояние постмодернистскому хаосу возможно только с опорой на Традицию, но никак не на установки модерна.

Кажущаяся «революционность» постмодерна, мнимый разрыв преемственности с тенденциями модернизма связан исключительно с фактом завершения процессов (и в этом смысле – с завершением истории и вхождением в состояние постистории). Достигает своей завершенности глобализация. С переходом к информационному обществу достигает своей завершенности индустриальный прогресс. Достигает своей полноты и логических пределов тенденция «демократии» или, точнее говоря, либерального эгалитаризма, всеобщего равенства.

Выход из цивилизационного кризиса **не изменил базовых параметров** западной, или, точнее сказать, всемирной вестернизированной цивилизации. А именно:

1. Демократической, эгалитаристской парадигмы. Принципиального доминирования количества над качеством.
2. «Избыточного» принципа производства – не для удовлетворения естественных потребностей, а для неограниченной максимизации прибыли.
3. Технократического характера общества, отчуждения общества от природы, личности от общества, труда от трудящегося.
4. Колониального устройства мира.
5. Классового неравенства и эксплуатации человека человеком.

Говоря о возникновении западной цивилизации Нового Времени, мы отмечали, что ключом к пониманию всех ее частных тенденций является отвержение, отрицание или игнорирование надындивидуального, надчеловеческого уровня – отвержение (сначала прикрытое, а затем и явное) идеи Бога, а, следовательно, и высших по отношению к тварной (эмпирической) природе принципов, существование которых и обуславливает органическое и иерархическое единство природы, культуры, социума и самого человека как личности. Отвержение этих принципов немедленно и закономерно привело к утрате объединяющего начала различных сфер бытия, к автономизации, а затем и фрагментации каждой из этих сфер. Однако и продукты этого распада, такие как, например, естествознание, светское искусство, рациональная философия, утратив высшую и внешнюю по отношению к себе санкцию, сами в свою очередь не могли не дробиться, ибо те парадигмы и каноны, которые удерживали их единство, были производными от отвергнутых метафизических принципов. По мере того, как это обнаруживалось, они лишались основания. Именно таким образом самодискредитировалась

мифологема «объективных законов природы», точно также сам разрушил себя эстетический канон светского искусства.

«Расцвет» светской живописи, скульптуры и литературы на самом деле отражал и выражал глубокую деградацию, профанацию и обессмысливание культуры. Даже чисто в эстетическом смысле этот «расцвет» был связан лишь с безжалостной эксплуатацией и растратой того духовного потенциала, который содержался в традиционной органической культуре. Разрушение органичности и целостности культуры привело к единовременному высвобождению заключенных в ней богатств. Но это высвобождение привело к истощению, а затем – и к вырождению. При всем кажущемся эстетическом контрасте скульптура и живопись Возрождения имеют прямое родство с дегенеративным «искусством» современных эрнстов неизвестных и церителли, а убожество постмодернистской поэзии – это закономерный финал деградации литературы, начавшийся с эпохи лжеименного «золотого века».

Суть этой деградации – в освобождении от канона, в понимании свободы, как свободы самовыражения, свободы критики, свободы отрицания и релятивизации всех законов. И если «освобождение» начинается под лозунгом «освобождения разума» и «освобождения чистой эстетики» от ярма догм и канонов, то развитие этого процесса закономерно приводит к «освобождению от разума» и «освобождению от эстетических норм», ибо разум или «чистая эстетика» и сами по себе представляют ограничение свободы индивидуального самовыражения.

То же самое освобождение мы наблюдаем в общественной и политической сфере. Сначала происходит рационализаторская десакрализация власти. Но это приводит к утрате органической целостности, к расчленению целого на совокупность механически взаимодействующих элементов. Сложное внутреннее устройство традиционного общества с присущими ему сословиями, корпорациями и глубокой очеловеченностью и органичностью всех социальных институтов начинает рассыпаться. Индивидуум, «освобожденный» от пут традиции, сословия и корпорации обезличивается и превращается в атомарный элемент человеческой массы, уравненный в своих правах, обязанностях и базовых социальных функциях с любым другим таким же элементом. Возникает феномен «народных масс», неизвестный традиционным обществам. Если в традиционном обществе индивидуум органически встроен в свою строго индивидуальную и по-своему уникальную социальную нишу, то освобождение от такого рода ниш и порождает массу, выходящую начиная с 19 века на арену истории в форме массовых армий, массовых производств и т.д. Школьное образование, армия, производство, юриспруденция, средства информации – все основные социальные институты приобретают функции выравнивания, стандартизации, синхронизации и нивелировки всякого качественного индивидуального отличия.

Отражением и выражением этих тенденций становятся мифологемы демократии. Отметим, что под словом «демократия» (буквально - народовластие) можно понимать две прямо противоположные идеи. Это может быть власть народа как цельного иерархически организованного организма. И это может быть мифологема власти арифметического

большинства отчужденных атомарных индивидуумов. Первый вариант «демократии» отражает традиционное или, по меньшей мере, традиционалистское мировосприятие – и в этом плане большевизм правомерно может рассматриваться как движение консервативно-охранительное, антимодернистское по своей сути. Второй вариант трактовки «демократии» отражает антитрадиционный, модернистский (а в своем пределе – постмодернистский) идеал. Именно о такой либеральной демократии, демократии отчуждения как специфическом феномене западной цивилизации и пойдет речь.

Мифологема либеральной демократии построена по механицистскому, рационалистическому сценарию. В ее идеале принятие всех значимых политических решений происходит путем простого суммирования атомарных голосов. Власть же выступает в роли наемного менеджера, исполняющего волю большинства. В реальности такая система оборачивается властью скрытых элит, управляющих посредством манипуляции сознанием. В рамках традиционного общества правящие элиты выступают как часть органического целого, они наделены легальным правом говорить и принимать решения от лица всего народа (этноса, племени, общины); именно поэтому они не нуждаются в механизмах манипулирования и не используют их. Напротив, либеральная демократия неизбежно порождает власть тайных элит [28], так как сама идея власти и управления предполагает иерархию. Социальная иерархия неизбежно порождается фактическим и неустранимым неравенством людей (неравенством интеллекта, мотиваций, волевых качеств, темперамента, пола, возраста и т.д., не говоря даже о неравенстве социального происхождения). Если эта иерархия выведена за рамки явного и формального институирования, то она реализуется в неявных и неформальных формах.

Как это ни странно на первый взгляд, но в традиционном обществе индивидуум, жестко встроенный в структуру своей корпорации, оказывается гораздо более защищен и даже наделен многократно большими возможностями влияния на общественные процессы – хотя бы благодаря своей вовлеченности в вертикальные и горизонтальные социальные связи. Явная элита, обладающая легальным правом власти, оказывается гораздо более контролируемой со стороны народа в целом: как в силу своей явности, так и в силу корпоративной организованности общества. Сословно-корпоративное общество имеет достаточно действенные рычаги «обратной связи». Крестьянская община или купеческая гильдия в силу своей социальной организованности и структурности может отстаивать свои корпоративные интересы и выдвигать лидеров, опираясь при этом на авторитет традиции, с которым правящая элита вынуждена считаться.

Напротив, человек обезличенной народной массы, «освобожденный» от рамок традиции и жесткой встроенности в сословно-корпоративные структуры, оказывается совершенно беззащитен перед лицом управляемого хаоса толпы. В отличие от структурированных корпораций, способных к рациональному осознанию своих интересов и к организованному действию, толпа бесструктурна, ее реакции чисто эмоциональны, легко прогнозируемы и управляемы. Власть скрытых элит основана на бесструктурности общества. Чем ниже уровень сословно-

корпоративной структурности, чем выше социальная мобильность – тем больший простор открывается для управления путем манипулирования, управления гораздо более самовластного и бесконтрольного по сравнению с властью традиционных аристократических элит, ибо оно осуществляется не в интересах целого, а в интересах самой скрытой элиты и в условиях деструкции всех традиционно-корпоративных механизмов обратной связи. Чем большее развитие получают процессы распада социальной органичности, тем более совершенствуются механизмы манипулирования и возрастает роль и власть тайных элит. Здесь мы подходим к важному моменту. Все те процессы общественной дезинтеграции, которые определяли сущность истории Нового Времени, и полная реализация и завершение которых знаменовали собой переход к постистории и постмодерну, до сих пор рассматривались нами отвлеченно – как безличные или «объективные». Теперь мы видим реальную силу, заинтересованную в этих процессах, сознательно участвующую в их реализации и, если не управляющую ими, то, по меньшей мере, направляющую и корректирующую их ход.

Отметим, что мы вовсе не имеем намерения свести содержание всех описанных нами процессов и тенденций к реализации заранее подготовленного плана всевластного и всепроникающего «масонского заговора». Мы имеем в виду лишь то, что объективный исторический процесс неотделим от своего воплощения в действиях конкретных групп и социальных сил с присущими им интересами, формами и стереотипами поведения. И в этом смысле всякий исторический процесс (в отличие от физического явления) имеет две стороны: «объективную» (с точки зрения причинно-следственных связей и детерминизма предыдущими процессами и состояниями) и «субъективную» или «телеологическую» (с точки зрения целей и проектов тех социальных групп и даже отдельных личностей, деятельность которых составляет данный исторический процесс). Бессмысленно и непродуктивно ставить вопрос о том, организованы ли были процессы модернизации заинтересованными в них тайными элитами или же сама закономерность модернизации вызвала к жизни эти элиты и предопределила их деятельность. Это вопрос о первичности курицы или яйца. Будем исходить из того, что оба взгляда являются правомерными и взаимно дополняют друг друга.

Несмотря на предельную (и сознательную!) окарикатуренность идеи «масонского заговора», трудно отрицать очевидный факт, что за всеми без исключения революциями и выступлениями масс стояли определенные влиятельные группы, в большинстве случаев неформальные и оставшиеся в тени или, по меньшей мере, в полутени. Бессмысленно было бы отрицать, что идейная почва для французской революции была подготовлена деятельностью очень немногочисленного, но очень влиятельного круга деятелей Просвещения, бессмысленно было бы отрицать роль и вклад масонских лож в организацию кризиса «старого порядка» и выступления народных масс. Точно также нелепо было бы отрицать роль масонства в разрушении Российской Империи, особенно приняв во внимание, что Временное правительство полностью состояло из масонов, и они же контролировали практически весь спектр политических партий. Этот факт вовсе не снимает вопроса об объективных идеологических, политических, экономических и

социальных причинах и предпосылках кризиса, но и его игнорирование существенно исказило бы картину событий. Можно ли, исследуя современное общество, считать незначительными и исключать из рассмотрения такие факторы как формирование общественного мнения средствами массовой информации, PR-технологии, нейро-лингвистическое программирование? Очевидно, что именно эти факторы определяют всю структуру управления обществом.

Процессы дезинтеграции общественного сознания и общественного бытия, рассмотренные нами с их объективной стороны, составляют основу власти правящей политической элиты (имеем в виду не публичных политиков-шоуменов, а технократическую закулису – инженеров массового сознания). В условиях практически полностью завершившейся глобализации эта элита также достигла свой завершенности в качестве «мирового правительства» (Римский и Бильденбергский клубы, Комитет 300, Трехсторонняя комиссия и т.п.). Следовательно, логично и естественно ожидать, что «мировое правительство» будет использовать всю мощь сосредоточенных в его руках ресурсов власти для окончательного и бесповоротного завершения этой самой социальной дезинтеграции и атомизации общества и общественного сознания, для ликвидации последних очагов социальной или идейной самоорганизации.

Вся та многоплановая социальная и культурная реальность, которая описывается культурологами (и была описана в предыдущей главе нами) как постмодерн, оказывается целенаправленным цивилизационным проектом, реализуемым правящей мировой элитой для максимизации своей власти через максимизацию средств манипулирования сознанием.

11. Плюралистическая репрессивность [29]

Одной из центральных, фундаментальных мифологем, целенаправленно и настойчиво внедряемых в массовое сознание, является мифологема тоталитаризма. Анализ данного понятия категорически табуируется императивами постмодерна: разоблачение одной из центральных мифологем поставило бы под угрозу всю структуру теневой власти. Именно поэтому, понятие тоталитаризма надежно защищено общественными табу: тоталитаризм = фашизм = ГУЛАГ = холокост = газовые камеры. Дальше анализ запрещен: это кощунство [30]. Неслучайно центральным демонизированным понятием стал именно фашизм, а не нацизм: хотя в плане геноцида и степени репрессивности исторический фашизм далеко отстает от «достижений» нацизма, но в идейном плане он полнее выражал суть тоталитаризма (понятие «тоталитаризм» введено в оборот самим Бенито Муссолини как характеристика его режима). Итак, нам представляется возможность проанализировать и понять механизм манипуляции сознанием на этом частном, но чрезвычайно важном примере.

Шаг первый. Что такое тоталитаризм в своей исходной идее? На уровне отвлеченной идеи это цельность, наличие органического единства, факт несводимости целого к простой совокупности взаимодействующих частей, качественный онтологический и аксиологический приоритет целого над частным. В частном применении к социуму – это восприятие общества / народа, как органической сущности, не сводимой в своем

качестве к взаимодействию индивидуумов; единого целого, обладающего своими собственными законами и векторами развития, качественно отличающимися от интересов составляющих его индивидуумов. Иными словами, это признание надындивидуального, надличностного и супрарационального уровня, а, следовательно, и иерархии мироустройства. Очевидно, что любое традиционное общество в этом смысле тоталитарно, но далеко не всякое тоталитарное общество традиционно.

Шаг второй. Что такое «фашизм»? Фашизм – это совершенно конкретное политическое итальянское движение первой половины 20 века. Явление, неотделимое от своего исторического контекста: завершающей империалистической фазы развития капитализма, кризисов перепроизводства, классовых антагонизмов и перспективы неизбежного столкновения ведущих мировых держав при переделе колоний. Даже распространение понятия «фашизма» на все буржуазно-империалистические европейские диктатуры (германский нацизм, испанский фалангизм и франкизм, румынский гвардизм и т.д.) уже исторически некорректно, не говоря о его распространении на социалистические диктаторские режимы. Но пусть даже так: рассмотрим феномен европейского тоталитаризма 20 века во всей полноте. Имел ли он отношение к традиционному обществу? Весьма косвенное и опосредованное: только в том смысле, что в условиях глубочайшего экономического и политического кризиса правящий класс вынужден был сделать лишь шаг назад от идей либеральной демократии к социальному и цивилизационному холизму. Но этого совершенно недостаточно для того, чтобы считать фашизм, или европейский тоталитаризм в целом явлением сколько-нибудь родственным традиционному обществу. Европейский тоталитаризм 20 века был построен на сугубо модернистских и весьма высоко развитых методах манипуляции сознанием с помощью средств массовой информации и массовых шоу. Он, как и любое модернистское общество, опирался на толпу, на атомизацию и обезличивание индивидуума, на разрушение традиционной сословно-корпоративной общественной структуры. В традиционном обществе фашизация (в частности, фашизация молодежи) попросту невозможна, ибо семейные, родовые, корпоративные структуры эффективно препятствуют образованию обезличенной массы или толпы, а, следовательно, и распространению эмоциональной экзальтации и массовой истерии. Европейский тоталитаризм 20 века – это такое же кризисное состояние, как и тирании Древней Греции – оба феномена напрямую связаны с разрушением традиционных общественных институтов, в том числе с вырождением или насильственным уничтожением подлинной родовой аристократии.

Шаг третий. Каков уровень репрессивности европейского тоталитаризма? Манипуляторы массовым сознанием немедленно приводят примеры нацистских лагерей смерти и сталинского ГУЛАГа, а также сваливают на тоталитаризм развязывание мировой бойни. Здесь совершается сразу целый ряд подмен:

1. Не тоталитаризм породил войну и репрессии, а логика развития капитализма привела к неизбежности войны за передел мира, а, следовательно, и военной мобилизации наций, что и породило феномен

тоталитаризма (или «фашизма» в широком смысле слова). Манипуляторы сознанием попросту меняют местами причину и следствие.

2. Как идеология, так и практика тоталитарных обществ была напрямую выпестована модернистской цивилизацией – начиная от колониального евроцентризма, обернувшегося расизмом, и заканчивая конкретными технологиями манипуляции массовым сознанием.

3. Далеко не все формы тоталитаризма отличались высоким уровнем внутренней репрессивности и внешней агрессивности. Например, салазаровский режим в Португалии не был замечен ни в том, ни в другом. С другой стороны кровавая вакханалия т.н. Великой Французской Революции наглядно демонстрирует, что и репрессивность, и агрессивность могут достигать своих крайних пределов и при демократии. Военные преступления демократических США в ходе многочисленных войн (вплоть до последней войны в Ираке) ничуть не уступают военным преступлениям тоталитарных режимов.

4. Более традиционные формы тоталитаризма (в частности, диктатуры, опиравшиеся на христианский консерватизм и традиционализм) проявили гораздо меньшую репрессивность, в то время как дикие эксцессы террора характерны как раз для наиболее авангардистских режимов (в частности, идеология нацизма целиком построена на сугубо модернистской и даже почти постмодернистской оккультной доктрине).

Вывод: **никакой логической или исторической связи между степенью холичности (закрытости) общества и степенью его репрессивности не существует**. Более того, кровавые эксцессы 18-20 веков напрямую связаны с логикой модернизации и разрушения традиционных общественных институтов.

Но мифологема на то и мифологема, чтобы работать на иррациональном уровне: любое утверждение принципов холизма (особенно в социально-политической сфере) немедленно подвергается шельмованию как «фашизм» [31]. Любой, кто провозглашает принцип социального холизма и отрицает либеральную доктрину изолированного индивидуума, свободно-рыночной экономики и парламентской демократии, немедленно признается нарушителем принципа толерантности, на которого, следовательно, этот принцип уже не распространяется. Следовательно, исповедание «фашистских» взглядов само по себе преступно и должно быть наказуемо (хотя бы на неформальном уровне общественного осуждения и бойкота), а уж их публичное высказывание и пропаганда должны преследоваться в уголовном порядке. Иными словами, репрессивность плюралистического общества не меньше, чем репрессивность общества тоталитарного: свобода мысли в обоих случаях признается лишь за теми, кто соглашается пользоваться ей «правильно», то есть так, как предписывает репрессивная система.

Разница лишь одна: в обществе тоталитарной репрессивности ограничение свобод личности определяется некими сверхличностными и сверхприродными (идеальными) целями Системы (общества, государства, нации) как целого. В обществе же репрессивности плюралистической мотивацией для не менее (а на самом деле гораздо более, что будет

показано ниже) существенного ограничения мировоззренческой свободы личности выступает… необходимость защиты свобод этой самой личности от демонического призрака «тоталитаризма». Со стороны рационального анализа эта структура столь уязвима, что кукловоды плюралистической репрессивности вынуждены предпринимать превентивные меры **и по-возможности подрывать самую способность к критическому рациональному анализу**.

Теперь посмотрим, где же обнаруживается «тоталитаризм»? Оказывается, в любом принципе, претендующем на универсальность. Любой принцип – онтологический, гносеологический, аксиологический, этический, эстетический – подвергается безусловной (так и хочется сказать – тотальной!) релятивизации, и любое сопротивление ей рассматривается как проявление и угроза «фашизма». Ведь любой принцип, претендующий на всеобщность своего проявления, а тем более на абсолютность, выходящий из плоскости релятивизма, несет в себе потенциал холизма, возможность привязки всех остальных категорий к нему. А холизм – это почти синоним тоталитаризма (вернее сказать, тоталитаризм – есть частное проявление холизма применительно к обществу). Но всем понятно, что тоталитаризм в мышлении, в науке, в искусстве не может не породить угрозу тоталитаризма и в сфере социально-политической. А значит… Любая возможность каких-либо установок, претендующих на всеобщность или абсолютность, должна быть исключена. Отсюда и все перечисленные нами выше характеристики постмодернизма как стиля.

Каковы перспективы плюралистической репрессивности? Вкратце можно сделать следующий прогноз. По мере развития новой системы репрессировано будет все, что, так или иначе, несет в себе следы холизма, черты универсальности, всеобщности, закономерности, иерархичности. Первое, самое яркое и выраженное проявление метафизического мироощущения, на которое, очевидно, будет направлен репрессивный удар «сетевой» цивилизации – это традиционная религия. Христианство и Ислам предельно полно выражают в себе антитезу плюралистической цивилизации (Бытие Творца-Создателя, наличие абсолютной Истины, реальность, осмысленность и единство мира, сводимость всех частных законов и всякого частного бытия к единому Принципу, непреложность и абсолютность аксиологических и этических категорий, органическая иерархичность мироустройства, принципиальная уникальность каждого явления – стало быть, невозможность и противоестественность равенства). В категориях плюралистической цивилизации это «фашизм» - абсолютное зло без дальнейшей рефлексии.

«Новая религиозность» (New Age) должна стать религиозностью релятивной, политеистической, синкретической и игровой – в соответствии с духом времени. New Age – религиозность смутная, интуитивно-сентиментальная, постмодернистски «соскальзывающая», по определению лишенная догматов и рационального богословия, допускающая «свободомыслие» - то есть право на практически любые мнения и сомнения. Не допускающая только одного – утверждать Истину [32]. Если слово «Истина» пишется с большой буквы – значит все остальное

ложь. Поэтому любое слово об Истине с точки зрения плюралистической репрессивности – есть ущемление и диффамация всех остальных точек зрения, проявление «расизма» и нарушение центрального принципа политкорректности, толерантности и всеобщего равенства, стало быть «фашизм». А фашизм по определению выходит за поле толерантности и терпим быть не может. Следовательно, репрессии против религии получают «законную» санкцию.

По-видимому, императив «новой религии» будет выглядеть таким образом. Каждый имеет право высказывать любое мнение по «религиозным» вопросам, дополняя его декларацией того, что это его личное мнение, не претендующее на Истину и равноправное любому другому мнению. Любое частное мнение будет терпимо (в качестве частного мнения), но категорически будет уничтожаться догматика и канон, а, следовательно, и границы конфессий. Уничтожаться будет именно **понятие** православия или правоверия, а любое нововведение будет всячески поощряться. Конечная цель – полное уравнение всех возможных мнений и полная атомизация религиозной жизни: на каждого индивидуума – отдельная религия, а лучше даже несколько разных религий, которые можно менять в зависимости от текущей социальной роли или просто настроения [33].

От христианина не потребуют отречения от Христа, о нет. От него потребуют ***только*** признать Его принципиальное равенство с Буддой, Сварогом, Изидой, африканскими духами и... антихристом (ведь сатанизм – в плюралистическом обществе столь же законная конфессия: в США уже сейчас есть официальные сатанистские капелланы в армии!). И в знак проявления своей лояльности и политкорректности публично почтить весь «пантеон». Вполне в духе Древнего Рима: личной веры никто не потребует, потребуют совершения знакового обряда, означающего лояльность. Отказ будет означать признание своей нетолерантности, нарушение политкорректности и, следовательно, «законные» репрессии.

Этим, впрочем, дело не ограничится. Вслед за религией «обновлены» в том же духе (то есть, очищены от «фашизма») будут и иные формы сознания. Прежде всего – наука и философия. Философия в «классическом» понимании (как рациональное познание мира в общих и всеобщих категориях), очевидно, тоже не вписывается в каноны Нового Мирового Порядка. По понятным причинам из нее должны будут быть вычищены «фашистские» разделы, несущие черты всеобщности и вневременности – онтология, гносеология, логика, аксиология, этика. «Философия будущего» должна стать такой же «соскальзывающей» игрой смыслов, где-то в границах философской литературы, философских афоризмов, психоанализа, фрагментированной социологии, разнообразных «–софий» (теософии, антропософии, историософии, социософии), культурологии и релятивизированного морализма.

Наука уже сейчас вступила в эпоху «постмодернизма». Если в рамках «модернистской» культуры Нового времени естествознание настойчиво вторгалось со своими методами и своим мировоззрением в сферу гуманитарных наук, то сейчас ситуация изменилась на противоположную. Достижения науки стали в итоге восприниматься не как объективное знание о мире и его неизменных законах, а как продукт конкретной культуры и цивилизации. То есть буквально: атом существует

не «вообще в природе», а в культуре научного мышления определенной эпохи. Куновская концепция определяет понятие научной истины как «соглашение научного сообщества»: научная истина понимается уже не как некое «объективное знание о мире», а как продукт самоорганизации ученого сообщества, едва ли не побочный продукт социального взаимодействия.

Если в парадигмах Нового времени «научная истина» выступала хотя и в качестве относительного знания, но базирующегося на твердом фундаменте «неизменности законов природы» и «воспроизводимости эксперимента», и потому в известной мере обладало качествами объективности и всеобщности, то при переходе к постмодернистской картине мира эти качества утрачиваются. «Истина» привязывается исключительно к консенсусу сообщества, а, стало быть, релятивизм выходит на качественно новый уровень, и «относительное» теперь понимается не в отношении к «абсолютному», а в отношении к другому «относительному». Все такого рода связки становятся исключительно горизонтальными и равноправными.

Следовательно, возникает возможность альтернативных научных истин (не теорий или концепций – а именно истин) в рамках альтернативных научных сообществ. Вот база, в частности, для той же фоменковской «Новой хронологии». «Традиционная наука» вправе не признавать фоменковскую «Новую хронологию», но с тем же успехом и фоменковцы могут не признавать «официальную науку»! По мере развития этих тенденций та наука и то научное сообщество, которое сейчас еще сохраняет определенный монопольный статус, станет только одним из множества равных сообществ. Академия парапсихологии, Академия магии и колдовства и Академия наук будут восприниматься совершенно на равных. Причем такое равенство будет не эпатажем, как сейчас, а нормой обыденного сознания – так же, как равенство статуса Христианской Церкви с Бажовским обществом почитателей Хозяйки медной горы или коммунистической партии – с партией любителей пива. Эти тенденции совершенно отчетливо проявляются уже сейчас. Стоит вырасти тому поколению, которое воспринимает эту ситуацию как данность с момента вступления в сознательную жизнь – и она станет нормой.

12. Тотальный контроль

И снова мы возвращаемся к вопросу об архитекторах «Нового Мирового Порядка», к вопросу о целях, реализуемых в рамках данного проекта. Эта цель – тотальный контроль над человеческим индивидуумом (именно индивидуумом, а не личностью – ибо личность попросту уничтожается). Глобальная виртуализация имеет важное следствие: если общество существует в рамках виртуальной реальности, то оно и живет по виртуальным законам, по законам, которые архитекторы этой виртуальной реальности могут менять по своему усмотрению. Если экономика оперирует виртуальными категориями, не связанными с материальными ценностями, то в рамках этой виртуальной экономики не остается естественных ограничений. Тот, кто контролирует правила игры, тот может менять условия реальности по своему усмотрению.

Но таким же виртуальным становится и все общественное сознание. Доктрина «истины как соглашения научного сообщества» открывает небывалые возможности для изменения картины мира: представлений о прошлом, о причинно-следственных связях, о законах природы и т.д. Легко понять, что власть сосредотачивается в руках тех, кто контролирует финансовые потоки и средства массового внушения. В руках мировой олигархии сосредотачивается власть, прежде невиданных и невозможных параметров: власть произвольно менять законы и картину мира. В рамках искусственно создаваемого виртуального пространства власть его архитекторов приобретает черты всевластия Бога, абсолютной власти над миром [34]. А поскольку социальная жизнь все более отрывается от настоящей физической реальности и переходит в мир реальности виртуальной, то и сфера всевластия олигархии все более приближается к своей полноте.

В формирование виртуальной реальности вкладываются громадные средства, и было бы вершиной наивности считать, что здесь все ограничивается внутренней экономической логикой индустрии развлечений. Бюджет современных фантастических фильмов достигает астрономических величин. На поток поставлена индустрия литературной продукции в жанре фэнтази, а масштабы и скоординированность рекламных вложений в ее раскрутку не оставляет сомнений в том, что здесь мы имеем дело с целенаправленной акцией, а не со стихийным процессом. Цель очевидна: виртуализация сознания, перевод человека в виртуальную реальность мира фантазии и грез. Причем сам человек воспринимает это бегство от реальности как переход в состояние полной свободы. На этом и основана идея контроля: на иллюзии освобождения. Виртуальный мир грез дает иллюзию полной свободы и власти. Отсюда и очередной всплеск увлечения магией и оккультизмом: в виртуальном пространстве такого рода «чудеса» не только возможны, но и обыденны. По сути, это состояние, аналогичное наркомании, только без выраженного разрушения физического тела: субъективное ощущение полной свободы при объективной абсолютной зависимости и манипулируемости [35].

В этой связи мы можем оценить и многочисленные субкультуры, природой которых стало существование в формате вымышленных миров или вымышленного прошлого (ролевики, реконструкторы, контактеры, неоязыческие общины), и псевдорелигиозные культы по мотивам художественных произведений (фэнтази Толкина, сказок Бажова, фантастики Херберта, фильмов Лукаса), и псевдо-этнические движения, создающие виртуальные симулякры экзотических культур (японисты, кельтисты, индеанисты, последователи Карлоса Кастанеды). Суть во всех случаях одна – уход в фантастическую реальность, в виртуальный мир, каким бы он ни был. Нет принципиальной разницы, в каком именно антураже построена виртуальная резервация: Средиземье Толкина и столь же фантастическая Светлорусь неоязычников, виртуальность современных компьютерных игр и психоделика хиппи или кастанедианцев – это уже исключительно вопрос вкуса [36]. Что именно грезится наркоману, мало интересует наркодилера. Важно только надежно посадить на наркотик. Важно, чтобы, выбрав себе по вкусу виртуальную резервацию, объекты контроля не стремились ее покинуть и

сами сопротивлялись любым попыткам их оттуда вытащить. Такая система контроля оказывается в высшей степени стабильной, ибо опирается на внутреннее желание рабов быть рабами.

Основа власти манипуляторов – отсутствие критичности восприятия. Объект манипуляции не должен иметь целостной картины мира, собственной **системы** взглядов и собственной иерархии ценностей. Цельная (тоталитарная) личность плохо поддается контролю, недаром Ленин связывал оппортунизм с отсутствием цельной мировоззренческой картины мира. Человек, обладающий цельным мировоззрением, неминуемо начинает выстраивать свою жизнь и окружающую реальность в соответствии с собственным проектом, с собственной системой взглядов и ценностей. Тем самым он не только сам выходит из-под контроля манипуляторов, но и выводит из-под него свое окружающее социальное пространство.

Поэтому одна из фундаментальных задач манипуляторов состоит в целенаправленном разрушении не только всех традиционных социальных структур, но и личности как таковой. Эти задачи взаимосвязаны, ибо ядро личности формируется именно в ходе воспитания в традиционных социальных институтах (начиная с семьи и заканчивая нацией). Та мифологема «демократии», посредством которой осуществлялось целенаправленное разложение традиционной структуры общества, теперь переносится внутрь самой личности. И здесь мы видим объяснение всей совокупности отмеченных нами черт постмодерна. Целенаправленное разрушение всех систем координат – религиозно-догматических, онтологических, гносеологических, аксиологических, этических и эстетических – именно и означает разрушение ядра личности. Архитектоника постмодернистского индивидуума несет ту же идею, что и архитектура постмодернистского ансамбля: принцип отсутствующего центра. Такой индивидуум не только не будет, но и в принципе не способен сопротивляться манипулированию: ему **нечем и незачем** сопротивляться, за неимением собственного личностного ядра и собственных внутренних целей. Постмодернистский индивидуум точно так же лишен внутреннего смысла и определяется исключительно контекстом, как и постмодернистское произведение – контекстом той виртуальной матрицы, в которой он существует.

13. Ложные альтернативы

Каков же выход? Возможно ли сопротивление, если развитие событий и их исход столь закономерны? Как известно, любая сложная задача имеет очевидное простое неправильное решение. Вот именно эти простые неправильные решения и есть смысл рассмотреть.

1. **Сопротивление постмодернизму с опорой на парадигмы модерна**. Своего рода «модернистский консерватизм». Ярче всего эта тенденция просматривается в науке, когда академическое сообщество, интуитивно чувствуя распад фундаментальной науки и торжество воинствующего дилетантизма, но не решаясь докопаться до цивилизационных основ и причин этих процессов, судорожно хватается за

ушедшие в прошлое рационалистские, эмпиристские и позитивистские парадигмы.

В политической идеологии аналогичное явление представляет широко известный доклад Умберто Эко «Вечный фашизм». Подсознательно чувствуя прямое генетическое родство фашизма с нью-эйджевским синкретизмом и иррационализмом, знаменитый писатель не находит ничего умнее, как отождествить этот синкретизм с традиционализмом и призвать к опоре на парадигмы Просвещения и рационализма, к идеалу парламентской демократии. Между тем, как было уже показано нами выше, именно закономерное развитие тенденций Просвещения само исчерпало себя и привело к актуальному состоянию псевдо- (и анти-) традиционалистского иррационализма.

В целом же достаточно сказать, что бесперспективно бороться с кризисом, опираясь на парадигмы, которые этот кризис породили.

2. **Сектантский ультратрадиционализм**. В настоящей работе мы уже дважды с разных сторон рассматривали эту проблему. Суть в том, что утрированный и ультрарадикальный традиционализм (в том числе даже и православный) сам становится в ряде случаев постмодернистским симулякром. Вовлекаясь в постисторическое реконструирование ушедших исторических форм, он создает виртуальную матрицу явления, при полном разрыве с внутренней сутью и содержанием подлинной Традиции. В итоге возникает лишь еще одна ниша-ловушка в общей структуре матрицы – специально для любителей традиционности. Увы, примеров такого рода достаточно.

Еще более негативный пример – это вполне постмодернистские по своей сути синкретические проекты под маской крайнего традиционализма. В качестве примера можно отметить проект «Арктогея» А.Г. Дугина, который под знаменем очищения Православия от модернизма дошел до тесного союза с телемитами и хасидами.

3. **Альтерглобализм**. Мировое т.н. «антиглобалистское» движение, хорошо известное по массовым и шумным акциям протеста на самом деле не только не является антиглобалистским, но само себя так и не именует и не позиционирует – это название приписала ему пресса. Сами представители этого движения называют себя «новым антикорпоративным (или антикапиталистическим) движением» или «движением за глобальную демократизацию» (ДГД). ДГД не выступало и не выступает против глобализации как таковой. Будучи последовательно «левым» (в европейском смысле, то есть анти-традиционалистским) проектом, ДГД относится совершенно лояльно к процессам размыва национальных границ и создания единого мирового рынка товаров, услуг и рабочей силы, и выступает лишь против олигархической формы глобализации, против конкретных форм и конкретных частных структур Нового Мирового Порядка. ДГД представляет собой сетевую структуру, неформальную и пеструю коалицию самых различных сил и организаций, каждая из которых возникла как ответ на то или иное частное проявление глобализации. Например, идейный базис наиболее известной «антиглобалистской» организации – французской АТТАК исчерпывается требованием введения 0,1% налога на финансовые операции, что должно привести к определенному перераспределению капитала за счет спекулятивной сферы в пользу производственной и, тем самым, снизить

безработицу в Европе, связанную с оттоком производства в страны с дешевой рабочей силой.

Не имея и не выдвигая принципиальной цивилизационной антитезы, ДГД является скорее не анти-, а альтерглобалистским движением, альтернативной версией – более «левой», уравнительной и демократической – того же самого глобалистского проекта. Альтерглобализм не ставит под сомнение сущность постмодернистской цивилизации – индивидуалистический антропоцентризм (гуманизм), разрушение канонов, релятивизацию онтологических, эстетических и этических категорий, атомизацию общества. В определенном смысле он даже более радикален в своем антитрадиционализме по сравнению с консервативной натовской или «американо-республиканской» версией глобализма. Сочетающий в себе радикальный демократический эгалитаризм и характерный для европейских «левых» либертаризм (права сексуальных меньшинств, равенство полов, идеи «сексуальной революции», легализации наркотиков, права на эвтаназию и т.д.) со стихийным экологизмом и, зачастую, нетрадиционной религиозностью (в духе New Age), альтерглобализм радикально деструктивен по отношению к последним сохранившимся традиционным социальным институтам – семье, церкви, национальной государственности. Следовательно, объективно он работает на атомизацию общества и на усиление власти, основанной на теневой манипуляции сознанием. Выявляя и нивелируя наиболее конфликтные частные детали глобалистского проекта и не ставя под удар его ключевые парадигмы, альтерглобализм объективно способствует стабилизации генерального курса Мирового правительства и коррекции потенциально опасных для этого курса перекосов.

Нетрудно обнаружить с одной стороны принципиальное единство позиций альтерглобализма со стратегическими разработками Римского клуба, а с другой – его прямое генетическое родство с европейскими студенческими революциями, инспирированность которых мировой закулисой теперь уже совершенно очевидна и не вызывает сомнений.

4. **Терроризм**. В условиях полного контроля системы над средствами внушения и манипулирования сознаем, выхолащивания всех легальных политических институтов и превращения их в пародию, одним из мощнейших каналов сопротивления может показаться прямой террор. Действительно, структура Системы такова, что она не может не отреагировать на акт террора. В итоге ее же коммуникативные каналы оказываются работающими на террориста: создают тот максимальный общественный резонанс, ради которого и были задуманы. К тому же терроризм представляет собой своего рода асимметричный ответ – способ эффективно вести войну без вложения значительных финансовых средств и без собственного доступа к коммуникативным каналам. В контексте доктрины «войн шестого поколения» это решение представляется оптимальным. Достаточно вспомнить интенсивность мирового резонанса на теракт 11 сентября 2001 года в США.

Однако если внимательно присмотреться к последствиям этого террористического акта, несложно заметить, что они оказались исключительно выгодны для геополитических интересов США, а, говоря точнее, мирового правительства, использующего США как основное орудие утверждения своей абсолютной и универсальной власти в мире. То

же самое мы можем наблюдать в отношении многолетней чеченской компании, которая в итоге неизменно поддерживает рейтинг президента Путина на недосягаемой для конкурентов высоте, притом, что его политика откровенно антинациональна и продолжает все негативные тенденции ельцинской эпохи. Тем не менее, страх перед терроризмом каждый раз заставляет население сбиваться вокруг режима, в поисках защиты добровольно отказываясь от своих прав и свобод. В США ситуация аналогична: такое ограничении прав личности (от электронно-цифровых документов до права спецслужб на контроль за личной перепиской и даже на внесудебные убийства) вызвал бы колоссальное общественное сопротивление если бы не нагнетаемая угроза терроризма.

Отсюда вовсе не следует, что рядовые террористы-смертники и даже их командиры напрямую контролируются спецслужбами. Вовсе нет. Отсюда лишь следует, что интересы террористов принципиально совпадают с интересами Системы [37]. Или, вернее будет сказать, что, реализуя на тактическом уровне свои собственные задачи и интересы, на стратегическом уровне терроризм служит интересам Системы – созданию атмосферы страха и неуверенности и легитимизации наращивания контроля над частной жизнью. В свете этого рассуждения совсем иную окраску приобретает пресловутая «беззащитность» информационных каналов Системы, которой якобы столь эффективно пользуются террористы в борьбе с ней самой.

Этот обзор вовсе не претендует на полноту и систематичность анализа возможных ложных альтернатив. Мы лишь выделили четыре наиболее ярких и характерных примера. В рамках данной работы (и в соответствии с ее задачами) этого достаточно.

14. Заключение

Так каков же вывод? Читатель может задать правомерный вопрос: а что же, собственно, предлагаем мы? Существует ли путь сопротивления или показанная выше закономерность есть детерминизм истории, перед которым можно только капитулировать?

На это мы, во-первых, заметим, что польза от сложных вопросов часто существенно превосходит пользу от простых ответов. Мы имели намерение побудить читателя к поиску собственного пути, собственных ответов, собственных мировоззренческих основ. Слишком контролируемы и системны оказываются многочисленные движения, основанные на простых ответах, лозунгах и слоганах – в том числе радикальных и нонконформистских. Власть системы основана на разрушении ядра личности, способности к построению собственной целостной мировоззренческой картины. Мы нисколько не претендуем на измышление очередной оригинальной концепции, прославляющей наше имя (мало кто задумывается над тем, что измышленная «истина» есть ложь, а потому оригинальность теории – сомнительная честь для автора). Мы, напротив, постарались лишь систематически собрать и обобщить то, что и так известно. Мы имели намерение дать читателю более или менее целостную картину и побудить его к собственному осмыслению и свободному выбору. Насколько нам удалась эта задача – судить не нам.

Второе, на что мы хотели бы обратить внимание читателя – это отсутствие детерминизма. Действительно, вся структура деградации и вырождения современной цивилизации была нами представлена как цепочка процессов, жестко детерминированных причинно-следственными связями. Однако напомним, что исходная точка всех описанных процессов – отвержение надчеловеческого уровня реальности, иначе говоря, человекобожие и богоотступничество есть акт свободного выбора как общества в целом, так и отдельной личности. Мы убеждены в том, что единственным надежным фундаментом для сопротивления надвигающейся тьме является Православие – единственная традиционная и неискаженная форма Христианства. Впрочем, в традиционном Исламе мы видим ни в коем случае не цивилизационного врага, но потенциального стратегического союзника.

Мы хотели бы сосредоточить внимание читателя на идее свободы – абсолютной нравственной свободы личности. В наше сознание долго и старательно внедряли идею прогресса, означавшую императив подчинения и следования детерминированной логике развития. Этическая сущность этой парадигмы сводится к формуле «кто сильнее – тот и прав». Именно эта простая формула, прямо противоположная христианской «не в силе Бог, а в правде», и определяет суть всех изысков «философии жизни».

Мы хотели бы напомнить читателю о том, что рано или поздно, но неизбежно он умрет. В данном случае даже не важно, верит ли читатель в Бога и загробную жизнь или не верит. Важно в данном случае то, что в любом случае существование в этой реальности, подчиняющейся логике детерминированных законов, окончится. Тот, кто служит «торжеству прогресса» и логике исторической детерминанты умрет точно так же, как тот, кто против них восстанет. Допустим даже, что на стороне архитекторов мирового порядка логика прогресса, допустим, что их победа исторически предопределена и неминуема. Следует ли отсюда, что подчинение их власти есть необходимость? Вовсе не следует. Перед лицом смерти очевидна свобода – в том числе свобода принять сторону обреченных. Перед лицом смерти цену имеет только одно – до конца оставаться собой. Перед лицом смерти детерминизм цивилизационного развития тает как мираж. И мы, к счастью, всегда находимся перед лицом неизбежной смерти. Осознание этого факта есть осознание своей подлинной и тотальной свободы.

Если наша вера не всегда зависит от нас самих, то наш выбор – это **наш** выбор. Не обязательно верить в победу для того, чтобы драться. Не обязательно верить в конечное торжество истины для того, чтобы ее отстаивать. Не обязательно верить в воскресение после смерти для того, чтобы оставаться собой до конца земной жизни. Есть и мужество, известное нордическим язычникам – мужество без надежды. Господь наделил свободой и честью не только верующих в Него, но и неверующих.

Сопротивление тьме самоценно вне зависимости от вселенского исхода борьбы. Оно самоценно на уровне отдельной личности, ибо здесь победа тьмы не может быть исторически детерминирована – душа есть пространство свободы. Она была бы пространством свободы даже в том случае, если бы физическая смерть была бы полным концом бытия.

И последнее, на что мы хотели бы обратить внимание читателя – это то, что всемирное падение предсказано в христианском учении. Предсказано не только в самом своем факте, но даже в своих характерных проявлениях [38]. А, значит, по ту сторону контроля манипуляторов есть иной контроль, по ту сторону поражения есть победа, по ту сторону отчаяния есть надежда [39].

Сноски:

1. – Чтобы избежать путаницы сразу поясним, что в настоящей работе понятия «модерн», «западноевропейская цивилизация» и «Новое время» понимаются как тесно взаимосвязанные, а в ряде аспектов и синонимичные.

2. – Здесь может быть поставлен вопрос об Исламе и иудаизме как религиях, признающих Единого и Универсального Бога-Творца. Однако стоит отметить, что Ислам возник уже на заложенной Христианством мировоззренческой базе, и, по сути, отпочковался от Христианства. Иудаизм же как талмудическая религия возник исключительно в русле отрицания Новозаветного откровения, раскрывающего смысл ветхозаветной традиции.

3. – На самом деле тенденции были заложены гораздо раньше – со времени отпадения католического романо-германского мира от Православного Христианства, однако такая историческая перспектива слишком увела бы нас в сторону от целей, поставленных в настоящей работе.

4. – См. Рене Генон «Кризис современного мира».

5. – См., например, «Триады в защиту священно-безмолвствующих» Св. Григория Паламы.

6. – С иных мировоззренческих позиций, но ту же самую мысль о генетической связи капиталистической общественно-экономической системы с религиозной доктриной протестантизма впервые систематически изложил Макс Вебер в своей работе «Протестантская этика и дух капитализма».

7. – «*Дешевые цены ее товаров - вот та тяжелая артиллерия, с помощью которой она* [буржуазия] *разрушает все китайские стены и принуждает к капитуляции самую упорную ненависть варваров к иностранцам*» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т.4. С.428)

8. – См. Тоффлер «Третья Волна».

9. – В этом плане примечательна косыгинская экономическая реформа 1965 года, дававшая приоритет стоимостным оценкам производства над натуральными (т.е. на место социалистического принципа производства для потребления был поставлен принцип капиталистический: производство для извлечения прибыли), и известный лозунг об «удовлетворении неуклонно возрастающих потребностей трудящихся». С этого момента СССР вступил в гонку с капиталистическим миром по правилам последнего, то есть по тем показателям, по которым капитализм был a priori эффективнее, и социалистическая система была заведомо обречена на поражение.

10. – Традиционно-архаическая, крестьянско-общинная природа советского строя прекрасно показана в книге С.Г. Кара-Мурзы «Советская цивилизация». Важно отметить, что сама советская цивилизация (в лице ее руководителей, идеологов, экономистов и других ученых) категорически не сознавала своей традиционалистской природы. В итоге глубоко ложное представление о собственной природе, неадекватность постановки задач и оценки возможностей были одной из существенных причин цивилизационного поражения.

11. – В таком виде дилемма сформулирована в моей статье «Нужен ли России Киотский договор?».

12. – Жан Бодрийяр «Прозрачность зла».

13. – Наиболее характерный пример – террористический акт 11 сентября 2001 года, срежессированный в полном соответствии со сценарием целого ряда однотипных фильмов-катастроф, вплоть до буквальных деталей разрушения башен-близнецов.

14. – «*Когда вещи, знаки, действия освобождаются от своих идей и концепций, от сущности и ценности, от происхождения и предназначения, они вступают на путь бесконечного самовоспроизводства. Все сущее продолжает функционировать, тогда как смысл существования давно исчез. Оно продолжает функционировать при полном безразличии к собственному содержанию. И парадокс в том, что такое функционирование нисколько не страдает от этого, а, напротив, становится все более совершенным. Таким образом, идея прогресса исчезла, но прогресс продолжается. Идея богатства, которая предполагает производство, исчезла, но производство как таковое осуществляется наилучшим образом. И по мере того, как исчезает первоначальное представление о его конечных целях, рост производства ускоряется*» (Жан Бодрийяр «Прозрачность зла»).

15. – «*Взаимное заражение всех категорий, замена одной сферы другой, смешение жанров... ... политика не сосредоточена более в политике, она затрагивает все сферы: экономику, науку, искусство, спорт... И спорт уже вышел за рамки спорта - он в бизнесе, в сексе, в политике, в общем стиле достижений. Все затронуто спортивным коэффициентом превосходства, усилия, рекорда, инфантильного самопреодоления. Каждая категория, таким образом, совершает фазовый переход, при котором ее сущность разжижается в растворе системы до гомеопатических, а затем до микроскопических доз - вплоть до полного исчезновения, оставляя лишь неуловимый след, словно на поверхности воды*» «*Закон, который нам навязан, есть закон смешения жанров. Все сексуально, все политично, все эстетично. Все одновременно принимает политический смысл, особенно с 1968 года: и повседневная жизнь, и безумие, и язык, и средства массовой информации*» «*Каждая категория склонна к своей наибольшей степени обобщения, сразу теряя при этом всю свою специфику и растворяясь во всех других категориях. Когда политично все, ничто больше не политично, само это слово теряет смысл. ... Когда эстетично все, ничто более не является ни прекрасным, ни безобразным, даже искусство исчезает*». (Жан Бодрийяр «Прозрачность зла»)

16. – С.Г. Кара-Мурза «Советская цивилизация»

17. – В частности, массовый распад т.н. «большой», «расширенной» семьи, произошедший в связи с урбанизацией уже во второй половине 20 века, расселение коммуналок и целенаправленная политика эмансипации женщин (включая образование и государственную службу) – все это не могло не подорвать традиционного общинного сознания, лежавшего в основе советского цивилизационного проекта. Это противоречие берет свое начало от самой Октябрьской Революции – левой и демократической по форме и лозунгам и консервативно-антимодернизаторской,

славянофильско-антикапиталистической по содержанию. Конфликт формы и содержания не мог не привести к кризису.

18. – Сергей Строев «Русский социализм – доктрина победы».

19. – «*почему история кончается. Почему — при всех наших грехах — Творец не даст шанса еще одному, незапятнанному поколению? Потом я увидел: история нужна, пока у человека есть свобода. Когда свобода последнего выбора отнимается — створки истории схлопываются. Движение невозможно*» (диакон Андрей Кураев «О нашем поражении»).

20. – Отметим, с какой поразительной точностью здесь оценка ультралевого философа-постмодерниста Бодрийяра, оценивающего актуальную реальность из самой глубины ее процесса, совпадает с оценкой крайне-правого мыслителя-традиционалиста Генона, оценивающего ту же реальность с позиции предельной от нее отстраненности.

21. – Великолепный художественный образ, иллюстрирующий эту идею – фильм «Матрица» братьев Вачовски, который в известной мере можно назвать экранизацией философии и культурологии Бодрийяра. Прекрасно иллюстрирована идея построения виртуальной реальности по матрице оставшегося в прошлом и исчерпавшего себя в собственном развитии мира. Агент Смит во второй части фильма служит метафорой бодрийяровской идеи о неконтролируемом клонировании и инфекционности освободившихся от собственного смысла фрагментов реальности.

22. – Чарльз Дженкс «Die Postmoderne».

23. – «*Задача постмодернистской цивилизации в том, чтобы создать вокруг этого среднего человека такой мир, в котором он мог бы чувствовать себя самоуверенно и самодовольно. И потому все духовные вершины должны быть понижены, все пропасти выровнены, все сакральное - профанировано, все чудесное - банализировано, все существенное - спародировано. В любой святыне, в любом образе святости среднему человеку мерещатся репрессивные черты, и потому всякий идеал должен быть скомпрометирован, усреднен и подогнан по его стандартам. И напротив, более нет такой человеческой низости, которая не могла бы найти себе оправдания в новом сознании, и нет такого злодейства, которое не отыскало бы себе адвоката: все "подпольное" и темное должно быть реабилитировано, дабы средний человек мог навсегда избавиться от мук совести и томления духа*». Олеся Николаева «Современная культура и Православие».

24. – «*уже не существует соответствия чему бы то ни было. Ценность распространяется во всех направлениях, без какой-либо логики, присутствуя в каждой скважине и щели. На этой стадии не существует более равноценности, присущей другим стадиям, нет больше самого закона ценности; есть лишь нечто, похожее на эпидемию ценности, на разрастание метастазов ценности, на ее распространение и рассеяние, зависящее лишь от воли случая. Строго говоря, здесь уже не следовало бы прибегать к самому понятию ценности, поскольку такое дробление, такая цепная реакция делает невозможным какое-либо исчисление и оценку*» (Ж. Бодрийяр – «Прозрачность зла»)

25. – «*Шаман чукотского племени с его особым трехчленном миром духов и абсурдной для рационалиста логикой должен быть уравнен с*

Декартом и Кантом (это почти есть). Записанные бормотания студента холодных вод должны изучаться на кафедрах философии столичных университетов, фигуры делирия пациентов утвердиться наряду с полотнами классиков (это уже есть). Этот уравнительный момент, на самом деле, уже присутствует в современной культуре, особенно в пост-модерне. Это, кстати, не само собой вышло: на лицо результат стратегии массивной подрывной деятельности разнообразных антилиберальных и антибуржуазных (т.е. антисовременных) сил на самом Западе» (А.Г. Дугин).

26. – В этом плане характерен, к примеру, «Ведьмак» Анджея Сапковского.

27. – См. напр. Клюев «Между двух стульев».

28. – «*манипуляция - способ господства путем духовного воздействия на людей через программирование их поведения. Это воздействие направлено на психические структуры человека, осуществляется скрытно и ставит своей задачей изменение мнений, побуждений и целей людей в нужном власти направлении. Уже из этого очень краткого определения становится ясно, что манипуляция сознанием как средство власти возникает только в гражданском обществе, с установлением политического порядка, основанного на представительной демократии*». «*До этого, при «старом режиме», власть не распределялась частицами между гражданами, а концентрировалась у монарха, обладавшего не подвергаемым сомнению правом на господство (и на его главный инструмент - насилие). Как и в любом государстве, власть монарха (или, скажем, генсека) нуждалась в легитимации - приобретении авторитета в массовом сознании. Но она не нуждалась в манипуляции сознанием. Отношения господства при такой власти были основаны на «открытом, без маскировки, императивном воздействии - от насилия, подавления, господства до навязывания, внушения, приказа - с использованием грубого простого принуждения». Иными словами, тиран повелевает, а не манипулирует. Этот факт подчеркивают все исследователи манипуляции общественным сознанием, отличая способы воздействия на массы в демократических и авторитарных или тоталитарных режимах*» (С.Г. Кара-Мурза «Манипуляция сознанием»).

29. – Вводимое нами в настоящей работе понятие «плюралистическая репрессивность» может вызвать совершенно законные ассоциации с введенным в оборот Маркузе термином «репрессивная толерантность». Родство этих понятий (и стоящих за ними явлений) очевидно, и именно поэтому есть смысл указать, в чем состоит различие. Под «репрессивной толерантностью» понимается готовность Системы не только терпеть, но даже поощрять всевозможную оппозиционность и маргинальность до тех пор, пока эта оппозиционность остается в рамках заданных самой Системой правил игры, не угрожает основам ее существования, а значит и укрепляет ее за счет создания ложных альтернатив. Вводимое же нами в настоящей работе понятие «плюралистической репрессивности» означает целенаправленное репрессивное подавление и разрушение Системой всякой социальной органичности, всякой целостности, даже на уровне идеи или художественного образа, насильственную фрагментацию и атомизацию

сначала до уровня отдельного индивидуума, а затем уже – фрагментацию и самого индивидуального сознания.

30. – Мы не будем сейчас останавливаться на мифе о «шести миллионах» так как здесь на глобально-цивилизационную мифологему тоталитаризма накладывается более частная мифологема, имеющая громадное значение для влиятельного еврейского лобби – как политическое, так и чисто коммерческое. Отсюда и экстремально репрессивный, неоинквизиционный характер защиты этого мифа от рациональной критики. Исследование и разоблачение такого рода частных, вторичных мифологем интересно и важно, но выходит за рамки логики и задач настоящей работы.

31. – Типичный пример такого рода – доклад У. Эко «Вечный фашизм», в котором понятие «фашизма» (ур-фашизма) переносится практически на любую форму традиционализма и социального холизма.

32. – Здесь любопытно обратить внимание на одну примечательную норму поведения, ставшую практически обязательной в сетевом общении (так называемый «нетикет» - сетевой этикет), а именно: к любому своему значимому высказывания, особенно мировоззренческого порядка, добавлять аббревиатуру «ИМХО» (in my humble opinion, т. е. «по моему скромному мнению»). Уже сейчас в сетевом общении игнорирование этого правила воспринимается нередко как нарушение этикета. Есть серьезные основания считать нынешнее «сетевое» сообщество прообразом сетевого общества Нового Мирового Порядка (по мере успехов виртуализации). В этом смысле «имхо» - это хоть и малозначимая сама по себе, но очень характерная черточка. Вполне закономерное развитие идей политкорректности: обязательное включение «имхо» в Символ Веры. (Такие прогнозы могли бы показаться паранойей, если бы уже сейчас не издавали «политкорректных библий» с существенной правкой текста в соответствии с принципами политкорректности).

33. – То есть по сути «вера» станет категорией ролевой игры, которую можно будет менять вместе с игровой ролью. Некоторые современные молодежные субкультуры подошли к такому состоянию уже вплотную, а по мере взросления их представителей такое ментальное состояние перестанет быть достоянием молодежной субкультуры и начнет свой переход в категорию массового сознания, повседневного мышления. Впрочем, массовое сознание, предельно фрагментированное клипово-коллажной формой подачи всей информации, уже вполне готово к такой мутации.

34. – Круг замкнулся: человекобожие – вот альфа и омега всего падения от Возрождения и Реформации до Нового Мирового Порядка. Начало – в обсуждавшемся нами индивидуалистическом антропоцентризме, отвержении надчеловеческого и надындивидуального уровня бытия. Финал – создание искусственного мира, в котором манипуляторы в полном смысле занимают место Бога.

35. – Опять-таки невозможно не вспомнить фильм «Матрица» братьев Вачовски.

36. – Постмодернистская реальность, как уже отмечалось, построена по матрице карнавала. Любые образы, вырванные из своего контекста и включенные в этот балаган, становятся частью этого хаоса и только увеличивают хаос, любую попытку противопоставить себя этому балагану,

система превращает в участие в нем. В этом смысле очень часто радикальное отрицание системы становится лишь альтернативной формой участия в ней. Система такова, что единственный шанс пробиться через толщу шумов – это очень громко крикнуть и своей громкостью (или яркостью) перекрыть фоновый уровень. А единственной формой такого «крика» становится эпатаж – заявление о себе в «ультрарадикальных» экстравагантных формах. Только такой «крик» оказывается услышан и воспринят. А дальше вступает в дело своя присущая процессу логика, когда таким образом взятая маска превращается в элемент общего карнавала и пародию. По этому принципу система эффективно превращает нонконформистские группы (будь то православные ультраконсерваторы, националисты, монархисты или марксисты) в точно такие же резервации, существующие в виртуальном (а значит и контролируемом) пространстве своих мифологем. Например, казаки или ультраправославные «опричники» в современном городе воспринимаются ровно в том же формате, что и толкинисты в «эльфийских» плащах.

37. – Частный пример – недавнее убийство президента Чеченской республики Ахмада Кадырова. Очевидно, что выгодно оно было сразу трем силам: 1. Мировому терроризму – ибо задает новый виток эскалации насилия в Чечне, а, значит и актуализирует терроризм. Не будем забывать, что терроризм – это ко всему прочему колоссальный бизнес. 2. Путинскому режиму – ибо опять-таки создает очаг конфликта, на котором и держится высокий рейтинг. Плюс легитимизация «антиэкстремистских» полномочий органов подавления, которые можно обратить против любой потенциально опасной для режима политической силы. Плюс устранение достаточно самостоятельного и не вполне контролируемого регионального лидера. 3. И, наконец, США и мировой олигархии, заинтересованной в эскалации конфликта. Как минимум этим достигается перераспределение геополитических сил на Кавказе. Как максимум – Россия и Исламский мир втягиваются в цивилизационное противостояние, разрушительное для обеих сторон и потому так выгодное мировому правительству. Итого: интересы всех трех сторон закономерно совпали. При таком раскладе режиму даже нет надобности напрямую контролировать через внедренную агентуру террористические структуры – достаточно контролировать процесс в целом.

38. – В частности слова Апокалипсиса: «*И он сделает то, что всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их или на чело их, и что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его. Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть*» (13:16-18). Система электронной идентификации личности и присвоения личных номеров в сочетании с тремя ритуальными шестерками штрих-кода и уже реализуемой в ряде стран практикой подкожного вживления микрочипов в области лба или в правую ладонь вполне ясно соответствует предсказанию Библии. Примечательно, что принудительность присвоения номеров, а в дальнейшем вживления микрочипов прямо связана с возможностью использования банковской карточки – то есть с возможностью покупать и продавать.

39. – «*Эсхатологическая этика (которую Шарль Пеги, называл “этикой героического пессимизма”) знает, что в плане земной истории христианство проиграет. Но речь идет о защите некоей метаисторической истины. И потому рыночная эффективность (что я с этого буду иметь?) — не последний критерий. И количество газетных батальонов и университетских когорт, мобилизованных пророками новой религии “веротерпимости” — не последний аргумент. Впрочем, рассуждениями на апокалиптическую тему я всего лишь пробую пояснить свою убежденность, что за теософией и оккультизмом (пусть даже в иных формах и с иными самоназваниями) — будущее. Другое дело, что я придерживаюсь той же позиции, что и профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии архим. Михаил, который, в годы первой мировой войны, обращаясь к материалистам и атеистам в своей публичной лекции, говорил: “Вы победите, но после всех победителей победит Христос”. Или, как о том же сказал Анри де Любак: “Нам не было поручено сделать так, чтобы истина восторжествовала. Нам было поручено всего лишь, свидетельствовать о ней”. Кстати, греческое слово “martiros”, буквально значащее “свидетель”, в русский язык вошло как — “мученик”, ибо именно так — “свидетелями” — называли в Древней Церкви людей, принимавших смерть за свою веру*» (диакон Андрей Кураев «О нашем поражении»).